

Глава 1. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СУБЪЕКТНОСТИ И ДУХОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

КРЕАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ В АСПЕКТЕ ИННОВАЦИОННОГО СТИЛЯ ЖИЗНИ

С.З. Гончаров

Термин *креативность* (от англ. creative – «творческий», «созидательный») за последние годы стал одним из употребительных в социально-гуманитарных науках. Он акцентирует наряду с творчеством еще и *реальный процесс воплощения* творческого процесса в общественно-интересный и полезный продукт. Стратегия инновационного общества, предложенная руководством России, предполагает выявление социокультурных основ *креативной личности* как субъекта инноваций.

К таким основам можно отнести *субъектные качества, духовно-ценностный компонент и социокультурную идентичность* личности.

Задача статьи – попытаться соединить на основе креативной культурной антропологии две могучие тенденции в философии: *философскую диалектику* немецкой классической философии (включая К. Маркса) и достижение русской классической философии в области *ценностного самосознания*. Если философская диалектика вне ценностных основ (истины, добра и красоты) неминуемо вырождается в молоток-автомат, для которого «нет ничего святого», то ценностное вдохновение вне диалектики завершает свой путь романтическим мистицизмом, который терпит крушение в жизненной борьбе за достойный образ жизни и Отечества, и человечества.

Креативная личность есть субъект инновационных процессов. Инновация есть такое нововведение в ту или иную область жизнедеятельности общества, благодаря которому происходит *качественное положительное* изменение, будь то смена поколений техники или технологий в области промышленности, сельского хозяйства, управления, финансов, культурной, бытовой, образования и в иных областях. Инновации экономят ресурсы и рабочее время общества, увеличивают возможности самореализации человека, создают новые продукты массового общественного спроса.

Инновационные процессы, вступая во взаимный резонанс, порождают цепную реакцию нововведений и в итоге влекут к обновлению не только средств жизни, но и самих субъектов – утверждают соответствующий себе образ жизни, перманентное обновление стиля мышления, эмоционального фонда общества, творческую индивидуальность, для которой престижным предстает не столько обладание вещами, сколько сам творческий процесс самореализации в созидании общественно значимой и полезной новизны, сами возможности *самообновления собственной субъективности* путем обновления способов деятельности, общения, духовного возрастания.

Субъектность – высший уровень субъективности человека.

На этом уровне социальность представлена как рефлексированная в себя, т. е. обращенная на себя, самонаправленная, самоустраиваемая, как знающая саму себя, как «для-себя-бытие», как самопроектируемая и самоконтролируемая, как саму себя усиливающая.

Субъектность есть такая *форма социальной активности, которая характеризует личности и коллективы в аспектах:*

- *их способности к самоопределению, самодеятельности и самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству;*
- *реальных полномочий в реализации общественно значимых потребностей, интересов и целей;*
- *реальной власти над природными, психическими и социальными силами.*

Такое понимание субъектности дает определенные ориентиры для теории образования, для психологии, права, социологии, политологии, менеджмента: какие качества личности следует воспитывать, как распределены полномочия между людьми.

Генетически исходным в структуре субъектности является *самоопределение как всеобщая форма реализации продуктивно-творческих сил* – мышления, воображения, воли, веры и др. Оно становится реальным тогда, когда превращается в *самоопределение воли* – в способность человека определять себя к действию согласно ценностям и знаниям. Самоопределение развивается при определенных условиях в *конкретное основание субъектности* – в способность к *нормотворчеству*, т.е. в умение субъекта порождать

новое правило, норму, принцип действия и утверждать это новое как положительную ценность в культуре. Нравственность, право, религия, искусство полны таким *произрастанием всеобщего из отдельных единичных* прецедентов, поступков, приемов. Для репродуктивной (исполнительской) деятельности достаточно умения подводить частный случай под общее правило. Способность к нормотворчеству возникает тогда, когда субъект признает себя (ибо другие признают его таковым) равноправным представителем коллектива, той или иной социальной общности, возвышается до общественного самосознания и сам дает себе мандат на творчество, полномочие на суверенное утверждение той или иной нормы, того или иного варианта действия, будь то область науки, искусства, политики, предпринимательства и др.

Самоуполномочивание – это самый важный момент новаторства. Оно обязательно возникает тогда, когда субъект проникается общим интересом, рассматривает свой интеллект как равноценную частичку общественного интеллекта, доверяет свой совести и своему разуму как непосредственно-общественным и тем самым осознает себя интуитивно равноправным началом («начальником») всего нового и интересного. Поэтому он берет в свои руки без какого-либо психологического дискомфорта функцию нормотворчества, не спрашивая разрешения свыше, у «начальства». Под нормотворчеством здесь понимается не юридический, а *социокультурный процесс моделирования такого оптимального образца мышления, деятельности, общения, реального производства*, который сразу же подхватывается другими и утверждается в общественном сознании и жизненном процессе как норма и канон в силу его *эффективности*.

Способность к нормотворчеству уходит своими корнями в атмосферу *товарищества* в коллективе и связана, так или иначе, с чувством или осознанием товарищеского равноправия. Это чувство остается в тени, может быть безотчетным, но именно оно подспудно рождает личную сопричастность общему делу, ответственность, воодушевление и смелость в решении проблем. Товарищеское равноправие в общем деле рождает свою *противоположность* –

потребность личности в индивидуализации мастерства, и на этой основе – потребность в общественном признании.

Когда субъект смотрит на проблему с позиций *общего дела*, тогда его сознание наполняется емким содержанием, и он мыслит широко, чуток к перспективным тенденциям.

Субъектность личности как интериоризация законодательных функций социальных институтов. Исторически субъектные качества оформлялись сначала на *надындивидуальном* уровне (община, род) в рамках общих, т.е. общественных законодательных и др. полномочных органов, функции которых со временем закреплялись за узким кругом лиц в процессе *разделения труда*. Нормотворческая и законодательная функции, отделившись от функции исполнительной, получают конкретное оформление на *институциональном* уровне (государство, церковь, партии) и развиваются настолько, что регламентация и громоздкие аппаратные процедуры становятся для них *оковами*. По мере *демократизации* общества и развития личностного начала нормотворчество становится достоянием все большей части народа, его самостоятельных организаций. Субъектность *деинституализируется* в той или иной области и превращается в *схему работы самосознания и воли растущего большинства*. Например, в нравственности институциональный контроль вытесняется индивидуально-личностной субъектностью в виде *самоопределения, самооценки, самоконтроля, самоповеления, самоответственности*. В результате нравственность предстает как *неинституциональная императивная саморегуляция поведения*, доступная каждому. Нравственность есть чистая форма социальности в виде *человеческой общности*, она призвана вести и направлять право, социальную политику государства. В нравственности *законодательные, исполнительные и судебные функции* соединены в одной инстанции – личности как субъекта.

Напротив, в условиях античности самостоятельный выбор решения, новой нормы ведения *общего дела* осуществлялся, как правило, обращением за санкцией на такой выбор к *оракулу* и подкреплялся *авторитетом Пифии, повествующей о воле богов*.

Даже такие великие индивидуальности античности, как Фемистокл, в минуты смертельной опасности для Греции убеждали других в правоте своего выбора, ссылаясь на волю богов. Для самостоятельных решений, замечает Гегель по этому поводу, у греков «еще не было этой мощи и силы воли»¹.

Подлинным содержанием демократии является передача субъектных функций гражданам как для развития их самостоятельности, так и для установления меры в соотношении различных видов субъектности – на уровне корпоративном и государственном, индивидуально-личностном и институциональном. Такое содержание присуще «демократии участия» (как это было в Афинах времен Перикла и в средневековых городах с их цехами ремесленников), а не современной формальной (представительской) демократии, отделяющей субъектные функции от «электората». В России народ все более расплывается из общества соотечественников, объединенных духовно и нравственно, на собрание социальных атомов (на «электорат») в целях манипуляции. Деньгодатели с помощью средств массовой информации и «имиджмейкеров» проталкивают своих кандидатов на различные должности методами рекламы так же, как это делается с товарами на рынке. Кандидаты в депутаты стали политическим товаром, а электорат – потребителем такого товара. Демократия выродилась в политический рынок со всеми его фальсификациями.

Субъектные качества, таким образом, формировались в ходе истории коллективно, в совместной деятельности и общении, утверждались сначала во внешнем общественном опыте и лишь затем превращались в личное достояние индивидов путем их усвоения именно в актах *общего дела*. Такие качества суть общественность, индивидуально закрепленная и овнутренняя личностью. Такое закрепление осуществляется всегда в процессе личного делания в процессе общего дела. Поэтому не следует пугать субъектность с кривлянием в пустяках и курьезах.

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Соч. В 14 т. М. – Л., т. 8., 1935. С.239.

Самодеятельность как основа развития субъектности.

Самоопределение развивается в актах *самодеятельности*. Деятельность направлена на изменение *внешнего предмета* и может быть несвободной, вынужденной внешними мотивами. В *самодеятельности* доминирует направленность субъекта на преобразование самих схем, *способов деятельности*, т.е. противоречие между деятельностью опредмеченной и деятельностью актуальной. Поскольку предметом *самодеятельности* являются способы человеческой же деятельности, то субъект *не теряет себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самодеятельности*. За внешним отношением к «другому» (предмету) он усматривает внутреннее отношение к самому себе, к *человеческим продуктивно-творческим силам*, которые запечатлены в предмете. «Человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете»¹. Поэтому «человек есть *самоустремленное* (selbstisch) существо. Его глаз, его ухо и т.д. *самоустремлены*; каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством *самоустремленности*»². Самоустремленность означает, таким образом, то, что субъект за вещно-материальной оболочкой продукта, сразу схватывает *отпечатки общественности*, видит вещи в их «человекопроводности» (Ю.П. Андреев). И в процессе того, что он делает, он мысленно, в воображении представляет других лиц, для которых он нечто делает. Поэтому *делание есть своего рода общение*.

В *самодеятельности* субъект устремлен на обновление и развитие творческих сил путем *выхождения за границы уже достигнутого*, которые и осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань». Такое выходение

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 42. М., 1974. С. 121.

² Там же. С. 160.

осуществляется путем разрешения противоречия между репродуктивным и продуктивным. Это созидательное противоречие есть «локомотив» творчества, оно импульсирует субъекта к обновлению схем действия, общения и мышления, формирует индивидуальность, неравную себе самой, способную к новым вариантам самореализации. В отличие от деятельности по заранее установленному внешнему масштабу (исполнительства) самодеятельность альтернативна косности и отчуждению; она – адекватная форма самореализации личности в творческом процессе разрешения назревших противоречий. У диалектики и самодеятельности общий девиз – «выход за пределы исходного пункта» в созидании общеинтересной новизны.

Диалектика соревнования. Присущее самодеятельности выходжение за пределы исходного пункта, за пределы уже достигнутого выражается в отношениях между субъектами – в *соревновании*.

Глубинным мотивом, побуждающим личность к свободной самореализации, является потребность утвердить себя в сознании других *достойным* образом. Ведь без признания статуса личности в общественном сознании, *нет и статуса. Быть социально – значит быть признанным!* Здесь то и возникает сущностное *противоречие*: все спонтанно стремятся быть признанными достойным образом, но не все могут быть признанными первыми! Иначе будет *девальвированы* само первенство, сама признанность за достойное. Отсюда и возникает соревнование, в котором сама социальность измеряет саму себя через состязательность индивидов. Соревнование проходит через *толщу тысячелетий* и составляет *атрибут всякой социальности и во все времена*.

Абсолютной и имманентной формой, побуждающей людей *человеческим* образом к интенсивной самореализации, напряжению всех способностей, является соревнование по поводу *развития творческих потенций лиц и коллективов*. «Уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение

жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность»¹.

Соревнование – неистребимый момент общения потому, что люди -- существа *общественные*. И мерой для оценки одного человека выступает другой. В соревновании люди практически, на деле *сравнивают* себя по своим способностям и умениям. Предметом и мерой оценки здесь выступают *человеческие* качества. Это – *имманентная, внутренняя для человека мера*, в отличие от *внешней*, например, стоимостной, когда отношения между людьми выступают как отношения между вещами-товарами, и соревнование носит отчужденную (и часто враждебную) форму *конкуренции*. Соревнование, будучи осознанным, есть стремление к *первенству* в делах общественно значимых. Но первенство доступно лишь малому кругу людей. Поэтому соревнование выступает всегда как *борьба за общественное признание* своей *социальной значимости*. Соревнование, отмечает С.Л. Березин, – «противоречивая форма развертывания фундаментальной потребности человека в самоутверждении, сущность которой состоит в устремленности личности к достижению общественной значимости в процессе реализации своих творческих сил»¹.

Соревнование противоречиво. Оно лучшим образом обнажает ту *диалектику*, которую Гегель изобразил столь величественно в своих *творениях*. В соревновании каждый идеально полагает себя *равным* с другим по возможностям. Иначе нет смысла вступать в него в виду заранее известной «победы» или поражения. Ведь пафос борьбы возникает лишь в состязании с *равным, себе достойным*. Но в то же время и в том же отношении каждый *практически* полагает себя *неравным* с другим, что выражается в стремлении *опередить* себе *равного*. *Опережая* себе *равного*, субъект тем самым *опережает самого себя*, вступает в состязание с собой; он актуализирует в себе скрытые ресурсы и реализует скрытые возможности, он выходит за прежний свой «формат» и социальный статус. Так противоречие между субъектами превращается в противоречие субъекта с самим с

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23. М., 1962. С.337.

собой, импульсируя к саморазвитию. Сила характера проявляется в способности выдерживать такие созидательные противоречия и творчески разрешать.

Соревнование есть такое противоречие, которое *не разрешается окончательно*, а принимает *все новые* формы. Противоречий, заметил Гегель, нет «только у трупа». Все живое, творческое является таковым постольку, поскольку оно «беременно» противоречием и приводит противоположности к гармонии.

Соревнование достаточно гуманно по форме, чтобы не травмировать *достоинство* личности, но оно достаточно остро по накалу, чтобы побудить каждого к *интенсивной самореализации* способностей и умений. Престижным в нем являются важнейшие качества – воображение, новаторство, профессиональное мастерство, поэзия борения.

Соревнование пронизывает все виды общения – профессиональные и непрофессиональные, экономические и политические. Наиболее прозрачно логика соревнования представлена в спорте. Прекрасно и величаво поэзия состязательности была представлена на последних Олимпийских играх в Пекине в 2008 году. Почему ликовала страна от «Москвы до самых до окраин» («Россия, вперед!»), когда сборная страны на чемпионате Европы по футболу в 2008 году выиграла матчи со сборными Швеции и Голландии? Почему со слезами радости и восторга победители-олимпийцы получали золотые медали? Тогда как пуск новой электростанции или необычно высокие показатели сбора зерна не вызывают такого буйства эмоций? Вероятно, потому, что людей интересуют только сами люди, и высшее чувство, доступное человеку, есть переживание своего собственного признания за тернии победы. Уместно такое сравнение. Товар рождается в производстве лишь как продукт, лишь как *возможный* товар. Он обретает статус действительного товара, когда его покупают, т.е. признают за ним способность удовлетворять потребности человека. Так и с человеком. Мы делаем самих себя, развиваем свои умения. Но как действительные личности (лики

---

¹ Социалистическое соревнование в развитии личности. Алма-Ата. 1983. С.78.

общественности) мы выступаем тогда, когда наши умения признаны другими. Во всех сферах деятельности существуют различные критерии признания, будь то спорт, образование в школе или вузе, поэзия, наука, музыка, политика и т.п.

Социальная связь для нас является абсолютной, будь то экономика или религия. В спорте же суть соревнования (его «идея», по Платону) представлена в чистом виде: социальность *соотносит себя с самой* через состязательность субъектов. Такой накал борения есть образ «вечной диалектики». Выпускники вуза не ставят, конечно, цели вступать в какое-либо соревнование. Но к нему их побуждают потребители услуг. Вузы в России стремятся быть «конкурентоспособными» по той же причине. Отношения между субъектами хозяйствования, политическими партиями пронизаны соревнованием. То же мы наблюдаем в международной политике. Самоизмерение социальности ныне стало настолько осознанной, что во всех областях жизнедеятельности (спорт, образование, искусство, политика, экономика и др.) как-то само собой утвердились *рейтинги!*

Если взять общество в целом, то прежние его формы отмирают тогда, когда они становятся оковами для самостоятельности. Идеального общества достичь невозможно в силу отмеченного противоречия: *то, что было достижением как первенство для немногих, становится со временем доступным и для большинства, и соревнование начинается по новому кругу, точнее, по спирали.* И этому процессу *нет конца.* К. Маркс по этому поводу пишет: «На самом деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем иным является богатство, ... как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно

установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹. В этих суждениях гениально раскрыта *креативная культурная антропология* К. Маркса, из которой он исходил и в своей критике антисоциального капитализма, и в своих надеждах относительно перспектив общества самодетельности. В этих суждениях раскрыта земная основа *философской диалектики* К. Маркса.

Креативная основа диалектического мышления. Абсолютное движения становления осуществляется как *обновление* людей путем обновления форм деятельности, общения и мышления и выражается адекватно в *диалектическом* мышлении. Общество, где саморазвитие людей осуществляется как беспрестанное выхождение за пределы для этого саморазвития, и где единственной предпосылкой самого общества является выход за пределы «исходного пункта», такое общество, подчеркивал Маркс, порождает понимание человеком «его собственной истории как *процесса*», так как «сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида»². Такое процессуальное понимание и выражает философская диалектика.

Если более развитое есть ключ к пониманию менее развитого, то диалектика, как логика исторического саморазвития людей, есть *основа для понимания развития на более низких уровнях эволюции природы*. Если же переносить логику низших уровней на высшие, то результатом будет редукционизм, неинформативный в научном отношении. В советской философии возобладавал *онтологический* вариант трактовки диалектики, в рамках которого свободную самодетельную природу общественного человека согласовывали с логикой элементарных частиц, различных органических систем и вещно понимаемых иных «диалектик». Ныне в качестве очередного онтологического варианта современной «парадигмы» мышления вдруг стала «синергетика» с чудом-культом – хаосом!

В результате диалектика стала ценностно-нейтральной и уподобилась молоху-автомату, для которого нет «ничего святого». Такая логика была взята из естествознания, где нет субъектов сознательного действия. Социальным эквивалентом такой логики

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.46, ч.1. М., 1968. С.476.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.46, ч.2. М., 1969. С.35.

является пассивный *созерцательный субстанциализм*, за которым скрывается накопленная и застывшая в пространстве человеческая деятельность в виде устоявшихся порядков, норм, образа жизни. К такому субстанциализму применим упрек Маркса, адресованный Л. Фейербаху за то, что тот не достигает понимания чувственного мира как совокупной, живой чувственной *деятельности* составляющих его индивидов.

За различными методологиями всегда скрывается исторически определенная *социальность* и соответствующие ей образы жизни. С возрастанием в обществе доли личных *свобод и самостоятельности* изменяется методология науки – предмет мыслится по подобию человеческой самостоятельности. В естествознании, математике, пишет В.С. Библер, поставлена под вопрос «*всеобщность классического предмета (и субъекта) – «точки действия на другое»*». В современном мышлении возникает идея радикально нового предмета и субъекта теоретического познания. Это – «идея предмета как «*causa sui*», «идея движения как *самодействия, самостоятельности*»¹. Следовательно, в осознании реальности разумно отдавать отчет о социальной основе тех понятий, посредством которых реальность осознается, т.е. быть критичным к понятийному аппарату, особенно гуманитарной науки.

Диалектика «каждую осуществленную форму ... рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она не перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»². В этом высказывании выражено извечное трансцендирование человека, *выхождение за пределы достигнутого к новым открытиям, к новым драмам и трагедиям*, предпосылки которых создают сами люди. Лишь в преодолении новых *пределов, в противоречиях и борениях* разумные существа сохраняют свою разумную, *неоконечную* природу. Вот как корреспондент Джон Суинтон передал часть беседы с К. Марксом: «Над размышлением о суеде и мучениях нашего века и прошлых веков ... в моем уме зародился один вопрос – вопрос о решающем законе существования,

¹ Библер В. С. Мышление как творчество. М., 1975. С.191.

² Маркс К. Капитал. Т.1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.22.

на который я хотел получить ответ от этого мудреца. Спустившись до самых глубин языка и поднявшись до вершины выразительности во время наступившего молчания, я прервал революционера и философа следующими роковыми словами: "Что есть сущее?" И, казалось, на мгновение ум его был обращен внутрь себя, пока он смотрел на ревущее море... "Что есть сущее?" – спросил я, и он серьезно и торжественно ответил: "Борьба!"»¹.

Социальным основанием философской диалектики является *самодетельность ассоциированных людей как субъектов собственного жизненного процесса, преодолевших отчуждение от своих собственных объективаций* в экономике, политике и т.д. и вобравших в себя коллективно развитые силы. Маркс, вслед за И. Кантом, понимал самодетельность как *фундаментальный культурно-антропологический атрибут*, как тот способ развертывания продуктивно-творческих сил, с которым он связывал *перспективу человеческого развития*. Он восхищался Г. Лейбницем, который понимал самодетельность монад как первооснову всего сущего. «Ты знаешь, как я восхищаюсь Лейбницем»² – писал К. Маркс своему другу Ф. Энгельсу. Он предсказывал историческую ступень человеческого развития, когда «самодетельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности»³.

Диалектика есть такой тип мышления, который *адекватен инновационному стилю жизни творцов-созидателей*. Алгеброй же диалектического мышления является умение соединять противоположности *всеобщего, особенного и единичного в гармонию*. За этими категориями, как было нами выяснено⁴, скрывается соотношение всеобщих, особенных и индивидуально-личностных устремлений-интересов. Например, чтобы разрешать противоречие между всеобщим и частным интересом, необходимо понять их общую

---

¹ Запись беседы Карла Маркса с корреспондентом газеты «Sun» Джоном Суинтоном // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.45. М., 1975. С.480.

² Маркс – Энгельсу. 10 мая 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.32. М., 1964. С.416.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. Т.3. М., 1955. С.68.

⁴ См.: Гончаров С.З. Логика мышления и аксиология сердца. Монография. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. С.154-156.

основу, понять противоположности как выражения *одного и того же содержания, но в разных формах*. Так, труд и капитал представляются противоположностями. Однако капитал произведен от труда. Капитал есть «накопленный труд», и сам по себе он не имеет иного субстрата. Поэтому противоречие между трудом и капиталом может *успешно* разрешаться только в пользу труда, его универсальной созидательной, креативной природы космического масштаба. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы не капитал управлял трудом, но труд – капиталом.

Соотношение всеобщего (В), особенного (О) и единичного (Е), как доказал Гегель в «Науке логики», составляет сущность диалектического метода понятийного мышления. Решающая роль этих категорий объясняется тем, что они логически выражают абсолютную социальную связь между людьми: *общество – социальная группа – личность* и «прямо вытекают из наших отношений»¹. И разумное разрешение противоречий возможно при условии, когда противоположности поняты как *особенные* выражения *всеобщего* основания.

Разум же самым убедительным образом явлен для каждого в *нравственности*, выражающей социальную связь *адекватно*. Нравственность – это *духовно-практическая форма осуществления разума* во всех тканях индивидуально-общественной жизни. Нельзя жить разумно, не живя нравственно, и нельзя жить нравственно, не живя разумно. Нравственность (совесть) *всегда разумна*, ибо она есть разум в его *истинно человеческом* выражении; совесть гармонично разрешает противоречия между «моим», «твоим» и «нашим». Нравственность основывается на *равноценности достоинства* людей; в пестроте житейских обстоятельств она учит исходить из *единой и всеобщей* природы человека и сообщает духовную солидарность, взаимопомощь. *Практический разум* (нравственная воля) – *лучший диалектик*, он схватывает за эмпирическими различиями *тождественность* достоинства человека, за многообразием деяний – *единство* нравственных повелений, за *игрой* чувственных побуждений и сил – *необходимость* нравственного повеления совести, за *единичным*

---

¹ Маркс – Энгельсу. 25 марта 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.32. С.45.

поступком – *всеобщую* его нравственную значимость, за посюсторонней *чувственной* повседневной реальностью – реальность *умопостигаемую, должную и разумную*. Он соединяет понимание, переживание и действие, облагораживая природные побуждения и влечения. Поскольку нравственность есть тоже духовно-практическое освоение реальности, форма духовного делания и реализуется повседневно во всех отношениях между людьми, постольку нравственные отношения существенно влияют на *степень генерализации логического сознания*, причем, органично и *имманентно*.

В исследовании Л.М. Косаревой раскрыта ведущая роль «моральной достоверности» в становлении научного мышления (Р. Декарта и др.), особой субъективности европейского человека XVII века. Степень объективности фактуальных свидетельств, подчеркивает Л.М. Косарева, «определялась не отсутствием заинтересованности субъекта, не отсутствием ценностной нагруженности акта свидетельствования, а, напротив, *максимальным присутствием в нем нравственного начала, доведенного до исключительной ориентации на благо для всех*. ...Таким образом, категория “моральной достоверности” служила теми вратами всеобщности и необходимости, проходя через которые, фактуальное свидетельство попадало в царство обоснованного знания»¹. Почему же «моральная очевидность» возвышает сознание субъекта до «всеобщности», ориентирует «на благо для всех», на «общечеловеческую точку зрения»? Вероятнее всего, потому, что нравственность есть *адекватное выражение человеческой общности, общеродовой человеческой позиции духа*, через оптику которой человек способен преломлять воздействие реальности, понимать и внешний, и внутренний опыт не только как «этот» конкретный индивид со своими единичными эмпирическими особенностями, но и как индивидуальный представитель человеческого *рода*, человеческой культуры.

Итак, нравственность существенно связана с генерализацией мышления в силу следующих факторов. Нравственные императивы *всеобщи и общезначимы* с самого начала для той или иной социальной группы. Иначе социальная общность невозможна; т.е. нравственные императивы связаны с абсолютными факторами бытия людей.

---

¹ Косарева Л.М. Социокультурный аспект науки Нового времени: Философский аспект проблемы. М., 1989. С.142-143.

Эти императивы обращены к *воле* и ориентируют на *действие*, на поступок. Тем самым *всеобщее и общезначимое правило становится фактором практическим, и именно поэтому и логическим*. Нравственные императивы повелевают осуществить *должное*, они сверхситуативны и прямо требуют *первичности идеального* над непосредственным опытом, требуют *осуществления должного*, а не только индивидуально желаемого, приучая субъекта парить в мире умопостигаемом, а не только пребывать в мире чувственно-воспринимаемом.

Нравственность – *интенсивное выражение разумности*, доступное каждому. Совесть есть *понимающее чувство*; более того, она – *повелительное разумное чувство*, содержит «кусочек» воли и не только воли, но и веры. «Воля есть особый способ мышления: мышление как перемещающее себя в наличное бытие, как влечение сообщить себе наличное бытие»¹. Важно *соединить диалектику с совестью* в целостном духовном акте, в котором сливаются в единство любящее сердце, теоретическое мышление, продуктивное воображение, эстетическое созерцание, нравственная воля, одухотворенная вера и совесть. Целостный духовный акт может утвердиться на российском меридиане только путем духовного возвращения Домой, к Матери-Церкви, которая из столетие в столетие натаивает на благодатности и целительности нравственности и целостного духовного акта.

Диалектический стиль мышления при верховенстве нравственных повелений вновь возьмет реванш, воскреснут традиции сократовских диалогов, и Гегель вновь напомнит о себе. Обнажится и подлинное основание диалектического мышления. Обслуживать перманентное обновление в состоянии только теория творческого мышления, способного разрешать созидательно противоречия обновления.

Что скрывается за инновационными тенденциями? Здесь мы подошли к *метафизики инноваций*. Универсальная сущность человека сфокусирована в «трансцендировании» субъектов, в их стремлении выйти за пределы достигнутого к *новым формам* и

---

¹ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. С.69.

смыслам жизни. Люди, как субъекты, стремятся не к созиданию какого-то «изма» (капитализма, социализма, монархизма и т.п.). Это – лозунги идеологов или романтиков на пять минут. Люди стремятся осуществить, выполнить себя. Они изменяют обстоятельства в таком направлении, чтобы установился *достойный в их понимании образ жизни*. Однако с его установлением исчезает его *идеализированный, романтический* ореол. Бывший в воображении идеальный строй облекается в *эмпирическую материю*, претерпевает от нее некие деформации и превращается со временем в *обыденную повседневность*, которая становится *скучной*. Новые формы жизни окаменевают, повышается удельный вес *репродуктивного* стиля мышления и поведения. Свободная активность «Я» регламентируется порядком настолько, что возникает его («Я») бунт. В лоне традиции вызревает *модернизация*, импульсы к *обновлению деятельности, общения и мышления*. Возникают инициаторы, готовые выйти за «красные флажки». Если взять общество в целом, то прежние его формы отмирают тогда, когда они становятся *оковами для самостоятельности и самообновления людей*. Самостоятельность – имманентная форма самообновления. Скука – реакция на лимит творческого компонента.

Существует *общесоциологическая реальная тенденция*, которую можно с полным основанием назвать *законом самообновления людей* – их чувственно-эмоциональной, душевной, духовной, социокультурной областей. Этот закон имеет *биопсихические* и социокультурные основы, он не сформулирован в теории, но он пролагает себе дорогу на практике в форме *качественных перемен*, возникающих «вдруг»; такие перемены присущи всем сферам и «порам» общества: личной жизни, семье, производственным коллективам, научным школам, политическим партиям и общественным объединениям, товарищеским отношениям, обществу в целом. Царская Россия цвела и богатела в 1913 году. Но уже в 1917 году монархия рухнула. Советский Союз был могуч в военном, хозяйственном, политическом отношениях. Но в 1991 году его «вдруг» не стало. За спиной революций и крутых перемен скрывается

общесоциологический по охвату, *социокультурный по содержанию закон самообновления*. Повод всегда найдется.

Этот глубинный креативно-антропологический закон пролагает себе дорогу в истории, как правило, в бессознательной форме, если брать общество в целом. Стратегия инновационного общества продиктована не только технико-экономическими причинами, но и важными социокультурными мотивами – потребностью в новизне.

Ю.М. Бородай истолковывал тенденцию самообновления, исходя из трансцендентности Я, из его пограничной ситуации между *посюсторонним и потусторонним*. Пружина всякого творчества, писал он, – «осознание несовершенства того, что есть», столкновение всеобщей детерминации природы с «неугасающим стремлением к чему-то тому, чего нет в реальности». Человек творит «сверхъестественное» – иконы, самолеты, идеологемы, исходя из *должного идеала, положенного свободой воли*. Свободная воля задает направленность деятельности. В свободе заключена искра трансцендентности, момент «потусторонности» Я. «Но если мое “Я” потусторонней “природы”, то и мне, как Богу, с которым я *сопричастен*, видимо, предстоит и *жизнь вечная*»¹. Вечная жизнь может быть «только вечной неутоленностью. Вечно живой Бог по определению своему – Творец». Иначе зачем было бы Ему вечно испытывать муки творчества? Творить и восходить на крест, искупая несовершенство сотворенного. Если можно было бы, подчеркивает Ю.М. Бородай, – «достичь абсолютного совершенства, то и жизни больше не было бы, даже у Бога. Тогда просто стремиться не к чему!»². «Именно в вечном стремлении к совершенству, каждый раз по-новому представляемому, видимо, и заключается суть *трагедии* – наивысшей формы *искусства*, искусства, сплетающего в себе не только смешное и страшное, низкое и высокое, злое и доброе, но обязательно и еще кое-что – самое главное: ощущение захватывающей *красоты жизни* во всем ее этом страшно-смешном и мучительно-радостном многообразии». Главная проблема

---

¹ Бородай Ю.М. Эротика – Смерть – Табу: Трагедия человеческого сознания. М., 1996. С.214-215.

² Там же. С.215.

религиозных построений о бессмертной душе, «это скука вечности».

Кант, продолжает Ю.М. Бородай, вывел в «Критике практического разума» исключаящую скуку «формулу творчества вообще – и человеческого и божественного». Ю.М. Бородай так выразил эту формулу: *«Ты, бессмертный Творец, строй в бесконечности многомерного времени каждый из новых своих миров так, как если бы каждое преображенное твое представление о совершенстве посредством твоей воли становилось всеобщим законом природы этих миров. Всякий раз строй их так, как если бы каждый из созданных твоей волей миров становился бы собственной плотью и кровью твоей».*

Таков, подчеркивает Ю.М. Бородай, императив вечной жизни, предполагающий ответственность за сотворенное, искупление своей «халтуры» смертными крестными муками. Элемент «халтуры» во всяком творчестве неизбежен, он не продукт нерадивости. «Наоборот: именно достижение абсолютного совершенства означало бы зло – конец всякой жизни и всякого бытия»¹.

Какой мощью будет обладать наше Я в трансцендентном мире, когда оно сбросит с себя материальную оболочку, этот вопрос, отмечает Ю.М. Бородай, остается открытым для нас, живущих по эту сторону. Здесь на земле мы не имеем средств для его достоверного разрешения, поэтому этот вопрос «не научный, а теологический». Почему нам, живущим, не дано знать достоверно о посмертной жизни нашего «Я»? «Мне кажется, – отвечает Ю.М. Бородай, – что условия приключений наших Я в этом мире мудро были составлены. Неуверенность в вечной сущности нашего трансцендентного Я придает ощущение *остроты и подлинности* нашим земным трагедиям, которые переживаются нами всерьез, а не разыгрываются “смеха ради”. Может быть, именно таким способом рождается истинная *красота*?»². Если Гегель написал «Феноменологию духа», то Ю.М. Бородай раскрыл феноменологию и трагедию свободы человеческой воли.

---

¹ Бородай Ю. М. Эротика – смерть – табу... С.216.

² Там же. С.219.

Итак, с позиций и трансцендентного, и реально-посюстороннего *тенденция самообновления связана со свободой нашего «Я», нашей воли, нашего продуктивного воображения, с игрой духовных и телесных сил.* Этот источник самообновления – не экономический, не утилитарно-прагматический, а сугубо *антропогенный, креативный и бескорыстный.* И чем в большей мере он становится руководящим в проектировании человеческой жизни, тем в большей мере социальная связь обретает *адекватную себе форму с бескорыстием истины, добра и красоты.* Модели успешного обновления общества предполагают знание – «какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху»¹. Мы попытались представить эту природу как *универсальную и процессуальную, несводимую раз и навсегда к историческим преходящим масштабам.* Библейское изгнание из рая можно истолковать не только как расплату прародителей за грех гордыни, но и как *мифологическое осознание беспокойной человеческой природы, ее процессуальной универсальности, всегда жаждущей самообновления.*

Духовно-ценностный аспект креативности. Но субъектные качества личности могут осуществляться не только в добре, но и во зле. Поэтому важен *духовно-ценностный аспект креативности.* Дух есть *любовь к совершенному, объективно лучшему содержанию; воля к тому, чтобы избрать совершенное, преобразить себя согласно ему, объединяться с другими людьми на основе совершенного и жить им.* Совершенство есть такое содержание, которое гармонично соединяет в себе истинное, доброе и прекрасное. «Быть духом – значит определять себя любовью к объективно лучшему. Воля к Совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности»². Совершенство есть *качественное содержание духа, а дух есть та форма, в которой совершенство существует адекватно, как знающее себя, как «для-себя-бытие».* Дух

---

¹ Маркс К. Капитал. Т.1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.623.

² Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта: в 2 т. М., 1993. Т.1.С.56

есть сознающее себя совершенство, он в самом себе содержит критерии достойного, которые для него самоочевидны.

Совершенство познается себе подобным, совершенным же чувством – любовью. Любовь есть непосредственное переживание совершенного, она учит нас, отмечал И.А. Ильин, «увидеть лучшее, избрать его и жить им». Любовь направляет мышление к объективной истине, волю к добру, созерцание к красоте, а веру к абсолютному, священному и божественному.

Ошибочно мнение о том, что определение духа через стремление и реализацию совершенства является, якобы, слишком общим и абстрактным. Ведь в таком определении речь идет не о понятии совершенства, а о состоянии нашей субъективности, жаждущей и воплощающей совершенство и в области сознания, и в пространстве практики. Так, воля к совершенству порождает истинную объективно предметную науку, нравственные отношения по поводу равноценности достоинства каждого человека, а значит и должные правовые отношения, закрепляющие братство и справедливость в экономике, политике, во всей гражданской жизни; воля к совершенству создает подлинное (художественное) искусство, равно как и эстетику совместной жизни, природного ландшафта и телесно-чувственного бытия человека; наконец, именно воля к совершенству преобразуется в верование в области духовной религии Бога, как идеала объективно лучшего и объективно сущего; ведь тайна и величие религии, в частности Православия, заключается исключительно в ее ценностной природе – в культивировании веры, воли и иных сил души в их стремлении обрести содержание объективно лучшее, утвердиться в нем и творить его в совместной человеческой общности. Мы не знаем нравственности выше той, как точно выразился архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий, которую заповедовал Христос – Спаситель. Литургия – это сакральный процесс приобщения души к абсолютному Истоку полноты совершенства. Поэтому религия Бога есть иммунная система души народа от всякой деструктивной (ничтожной) социальности. Если Дух Святой есть сосредоточие совершенства, то дьявол символизирует волю к

ничтожному содержанию, т.е. стремление низвести совершенное к ничтожному – к такому содержанию, которое одновременно соединяет в себе лживое, злое и безобразное. Поэтому, согласно Евангелию, хула на все простится, а на Духа Святого – никогда. Философскую диалектику надо осмыслить как восхождение к совершенству, опираясь на духовный акт самого Христа – Спасителя, а также на духовный опыт Святоотечественного Предания.

В психологическом плане дух есть целостный акт – единство главных продуктивно-творческих сил: любящего сердца; мышления, постигающего объективную истину; воли, творящей добро; воображения и созерцания, ориентированных на красоту; веры, устремленной к совершенным и абсолютным ценностям; совести, оценивающей помыслы и деяния с позиций должного совершенства. Единение этих сил рождает качественно новое состояние – дух, эффект «поющего сердца». Целостный духовный акт дарует личности полноту миропереживания и понимания, свободную от односторонних крайностей.

Кроме качественной стороны (воля к совершенству) духу присуща и количественная характеристика: человек восходит от частных значений (душевная стадия психики) ко всеобщим содержаниям науки и нравственности, искусства и религии, права и государства. Сознание прорывает узкий горизонт единичных и частных содержаний и углубляется в их основу: за «моим» и «твоим» оно видит «наше», за многими «я» – «мы», за этнокультурным многообразием – единство человеческого духа, за частным корпоративным интересом – интерес государственный и всенародный, за Отечеством – человечество, за космической пылью – божественное. Душа предстает как индивидуализированный дух народа, как его лик, и человек становится личностью. Автономия личности в самоопределении и волевом самоуправлении на основе совершенных содержаний есть фундамент совести и правосознания, продуктивного творчества и душевного здоровья.

Без возвышения психики индивида от душевного уровня до духовного невозможно воспитание личности, понимающей и

переживающей *универсалии* культуры, патриотизм, нравственность, правосознание, искусство, религию, личную сопричастность общему делу и ответственность перед памятью об ушедших поколениях и перед ныне живущими. Вне духовной стадии индивид сомнителен и как *специалист*, и как *лояльный гражданин* государства. Ибо государство есть организация *всеобщей* воли граждан для совместной «благодетельной» (Аристотель) жизни. Оно – главный политический институт народа. Членство в этой политической организации предполагает в личности духовную стадию сознания, понимание всеобщих значений и всеобщего дела, бремя которого несет на себе народ. Вот почему *целесообразно предварять вручение паспорта процедурой сдачи экзамена на социально-правовую компетентность в общих вопросах государственного устройства страны и общих основ права.*

Совершенство акмеологично, оно ведет к вершинным творческим достижениям. Творчество подвижно вдохновением. Но вдохновение возникает как *благоговение и восторг от переживания совершенства!* Поэтому гений и злодейство не совместимы. Творчество есть объективирование *лучших* содержаний человеческой души. Злой же умысел реализуется как деструкция и разрушение. По мере отпадения от совершенства к ничтожному содержанию возрастает доля деструкции в науке и искусстве, политике и экономике. Совершенство – это та реальность и та категория, которые позволяют сердцем и умом понять *монистично, с единых позиций величие и красоту духа.*

Обретение идентичности. Обретение духовного уровня возможно на пути *сознательной социокультурной идентичности.* Идентичность личности означает *усвоение и реализацию тех социокультурных эталонов, которые личность принимает искренне и добровольно.* Идентичность, следовательно, есть отождествление субъектом своей ценностной самости, ценностного «ядра» своего «Я» с должными образцами. От выбора таких эталонов зависит образ жизни, жизненный путь и судьба человека. А из судеб каждого складывается судьба страны, ее историческая траектория.

Проблема идентичности личности, народа является сложной своей многоаспектностью – исторической, национальной, социальной, культурной и религиозной. Россия в XXI веке выбирает свой путь, что предполагает выбор социокультурной идентичности и народом, и каждым из нас. Потеря ценностной стратегии в развитии страны объясняется эрозией национально-культурной идентичности, себестождественности коллективного «Мы».

Кризис идентичности – это «резкая девальвация всех присущих данной культуре общезначимых сверхличностных идеалов, что ведет к массовому психическому дискомфорту, чревату иррациональными деструктивными срывами»¹. Такой кризис подобен деперсонализации личности. Ибо личность теряет свое «сверх-Я», то самое ценное, во что она верит, чем руководствуется на жизненном пути, с чем соизмеряет свой выбор в важных вопросах жизни, чему готово служить добровольно и свободно, вплоть до самоотверженности. Без «сверх-Я» остается одно эмпирическое «Я», наполняемое всякий раз «вихрями» повседневности. Теряется главное – критерии самоопределения, выбора, оценки и должного; теряются субъектные качества, самостоятельность.

Вне идентичности индивид расколот и несчастен. Он во всем *релятивист*. Вопрос о добре и зле он подменяет вопросом об относительно полезном и относительно ущербном. Его «да» заигрывает с «нет». В его душе, писал А.И. Ильин, много центров. Каждому он клянется в верности. Как только один из центров оказывается слишком требовательным, он тут же съезжает на «другую квартиру» души и устраивается там поудобней. Он ни с чем не связан подлинной верностью, ко всему готовый, ни во что не верующий, ничего не любящий, скорый на предательство, довольный собой². Он «политкорректен» и «толерантен», т.е. облачен лукавыми идеологами в «смирительную рубашку».

Студенты особо не задумываются над вопросом идентичности. Она формируется у них, скорее, неосознанно, стихийно. У них велика

---

¹ Бородай Ю.М. Эротика – Смерть – Табу... С.394.

² Ильин И.А. Стань цельным // Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т.8. С.438.

учебная забота и разнообразны соблазны современного города, включая те «виртуальные кумиры», которые фабрикуются на телеэкране.

В становлении идентичности важны сам «дух» университета, личностное влияние педагогов, образы *выдающихся* людей в истории культуры и профессионального дела. Идентичность личности будущего специалиста – центральный вопрос воспитания. В его решении можно отметить важность следующих содержаний.

Это, во-первых, чувство принадлежности к многовековой *истории России, к отечественной культуре, к продолжению деяний подвижников и героев, создавших Россию, к профессиональному классическому наследию предшественников.*

Во-вторых, это образ *должного человека*, некий силуэт эталона, увлекающий своей креативностью, вдохновенным творчеством, духовным «горением», мастерством своего дела.

В-третьих, важнейшим в преподавании является раскрытие внутреннего мира классиков науки, философии и т.д., т.е. метод *персонификации*. Пусть студенты узнают борения, соблазны и победы тех, кто создал Россию – святых, подвижников ученых, философов, педагогов, предпринимателей, воинов, политиков и т.д. Пусть возгорятся их сердца. Пусть, образно выражаясь, Пушкин будет для них притягательней, чем компьютер.

В-четвертых, это *нравственный* стержень личности, побуждающий ценить как свое личное достоинство, так и достоинство каждого человека, а значит добросовестно относиться к профессиональному делу вопреки всем искушениям. Нравственность – *первооснова всех аспектов идентичности, пропуск в человеческую общность*, в науку, в профессиональное дело. Вне ее начинается деградация во всех областях жизни. Чего ждать от безответственного индивида, будь то педагог священник, врач, офицер, политик, судья, художник? Вопрос риторический.

Нравственность – абсолютное условие *человеческой общности*, поэтому все народы подкрепляют ее *Абсолютом, Божеством*. В антропогенезе социальная связь возникла как *самоограничение инстинктов ради сохранения общности*. И такому самоограничению

мы, люди, будем учиться всегда, ибо каждый соединяет в себе природное и социокультурное, динамику рефлексов и духовные ценности.

Именно нравственность пронесла через тысячелетия, кровь и слезы *человеческое достоинство*; она является *идеологией достоинства человека*, адекватной формой социальных отношений. Грех упрощенного материализма связан, в частности, в сведении нравственности к несущественной форме социальной связи, по схеме «остаточного принципа». *Нравственность есть отношения между людьми по поводу не внешних благ, а по поводу равноценности их достоинства*. Перед обществом, человечеством только тогда открываются созидательные перспективы, когда нравственные отношения становятся *первичными*, а отношения по поводу собственности и иных благ превращаются во вторичные. *Ибо то, что нравственно, то всегда и разумно, и экономично, и жизненно благотивно не только для меня, но и для всех*. В нравственных отношениях субъекты признают равноценность достоинства друг друга, поэтому свободно доверяют друг другу; так рождаются взаимная ответственность и духовная солидарность. С такого признания и начинаются нравственность, становление идентичности личности. Не нравственность надо согласовывать с экономикой, но экономику – с нравственностью.

Объективные основы ускорения социокультурной динамики и инновационного стиля жизни. К таким основам следует отнести технологию, меновые отношения капиталистического производства и *растущий удельный вес человеческих индикаторов производства*, особенно самодеятельности, соревнования и самообновления людьми своей субъективности.

1. Темпы обновления материальной техники претерпят в XXI веке резкое ускорение. Развитие техники определяется той *технологической функцией, которая ей передается от работника*. Инструменту была передана функция *непосредственного воздействия* на предмет труда. За работником закрепились функции движения и управления инструментом. *Инструментальный этап* техники был основным в период *докапиталистического* производства. Это

производство имело *субъективное строение*, так как главной фигурой в нем оставался ремесленник или работник мануфактуры (т.е. тот же средневековый ремесленник, ставший односторонним, прикованным к той или иной операции). Машине была переданы *функции движения* (двигатель) и *управления инструментом* (рабочий орган машины). Машины стали *технологическим* базисом капиталистического производства. За работником осталась функция управления машиной. Производство получило объективное строение, ибо главным стала машина. Разделение труда между работниками сменилось разделением технологических функций между машинами. Наконец, автомату передается *функция управления машиной*. Работник теперь выключается из производства как *непосредственный технологический агент*. Он становится рядом с ним как его контролер и регулировщик. С середины XX века автоматизированное производство начинает захватывать один сектор производства за другим. Передача функции управления машиной означает *революции* в развитии техники, ибо ей впервые передается *интеллектуальная функция*. Производство становится, образно выражаясь, на голову. Благодаря электронно-вычислительной технике, компьютеризации эта функция усовершенствуется с поразительной скоростью.

Человечество медленно входит на порог технологического скачка: подобно тому, как паровой двигатель революционизировал технологический базис общества и привел к машинному производству, к качественному обновлению экономической, социальной, политической и духовной сфер общества, так и интеллектуально емкая автоматизированная техника уже порождает качественные изменения в этих сферах. Изменяется профессиональная структура общества: происходит сокращение количества работников, занятых в сфере материального производства средств жизни и резко увеличивается количество работников в сферах культурного воспроизводства людей. Изменяются также формы собственности, содержание труда, престижность тех или иных специальностей, социальная структура общества, политические ориентации социальных групп, обновляются и те «объективно-мыслительные формы» (К. Маркс) в духовной сфере, которые

непосредственно обслуживают (направляют и регулируют) функционирование всех звеньев общественного жизненного процесса. Деление истории на доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный периоды есть стыдливое признание западными социологами теоретического положения Маркса о роли технико-технологических революций.

Эти изменения будут осуществляться намного быстрее потому, что технике передана *интеллектуальная функция*. Данное обстоятельство будет *интенсифицировать* и убыстрять процессы в сферах научной, образовательной, производственной и экономической, социальной и политической.

2. Благодаря созданию интеллектуально емкой техники наука получила адекватный себе технологический базис для реализации научных разработок и превратилась в ведущий *идеальный* компонент производства. Теперь техника проектируется не под давлением эмпирических обстоятельств, а планомерно создается на основе закономерностей, которые вообще не даны в обыденном опыте (лазеры, нанотехнологии и др.). Наука как разновидность духовного производства превратилась в ведущий фактор общественного труда. Поскольку уровень развития техники связан с передачей ей продуктивно-творческих сил человека, а в такой «трансплантации» нет предела, то темпы обновления техники неминуемо будут убыстряться по мере ее *антропологизации*, т.е. последующей передачи ей от человека функций сенсорных и др. «Онаученная», интеллектуально емкая техника, этот искусственные органы целенаправленной воли, предполагает и «онаученного» работника. Интеллектуальное обновление техники и технологий обязывает работников, систему высшего образования к *опережающей* интеллектуальной подготовке и ко всеобщему *высшему образованию*.

3. Развитие техники имеет свои закономерности. Но *побудительным конечным мотивом к ее развитию является экономическая форма* производства. Капиталистическое же производство содержит стимул *выхода за пределы достигнутого*. Такой стимул заключен в формуле $D - T - D'$. Капитал есть *самовозрастающая стоимость на основе производства и при*

посредстве обращения. Прибавочная стоимость может производиться или экстенсивно благодаря увеличению прибавочного продукта или интенсивно – когда рынки сбыта поделены – путем обновления продукта для создания новых потребностей в нем и тем самым путем создания новых секторов рынка и путем убыстрения обращения. Убыстряя свой оборот, капитал повышает скорость социального обмена, процессов коммуникации. Обновляя продукт для завоевания рынка, капитал тем самым обновляет потребности, чувства, наслаждения, т.е. обновляет психические процессы. Ставка на скорость внедрения научных разработок (инновационный процесс) ради прибыли резко интенсифицирует интеллектуальные процессы в науке и в структурах организационного и управленческого сопровождения инноваций, и такая интенсификация неизбежно превращается в общегражданское состояние.

4. Скорость обращения капитала требует адекватного коммуникативного обеспечения: экономическое пространство покрывается сетью железнодорожных, транспортных, авиационных и информационных путей, которые постоянно оптимизируются ради быстроты коммуникаций. За секунды в мире переводятся миллиарды денег из одной страны в другую. Не только скорость внедрения новых разработок, но и обновление продукта побуждают к повышению продуктивности мышления – к созданию общеинтересного нового продукта, который бы производился оптимально во времени с должной скоростью операций технических систем при минимальных затратах.

Так капитал в погоне за прибылью на основе обновления техносистем и убыстрения своего обращения резко повышает плотность социального пространства и времени: ибо увеличивается количество интеллектуальных, производственных и иных общественно значимых операций на единицу пространства и в единицу времени. В условиях капиталистического производства в большинстве стран экономика в мировом масштабе переходит с необходимостью на интенсивный путь развития в форме перманентных инновационных процессов. Конкуренция обязывает.

5. Для успешного обслуживания инновационных процессов в сфере производства и обмена необходимо обновление на основе научных разработок *социальных технологий в области управления* людьми и социальными институтами, а такое обновление превращается в необходимый профессиональный компонент всего персонала.

6. Выше мы рассматривали капитал в его опредмеченной форме – как обращение товаров и денег. Однако за вещной оболочкой капитала скрывается его *субъективная субстанция – труд*. Капитал есть накопленный труд и, и сам по себе он не имеет иного субстрата. А труд есть реализация *способностей и умений*. Самовозрастание капитала означает в итоге самовозрастание живого труда, увеличение его количества и *обновление его качества* – способностей и умений, потребностей и чувств. За формулой $D - T - D'$ скрывается схема воспроизводства и обновления субъектов труда – схема расширенного воспроизводства *продуктивно-творческих сил человека*: *«продуктивно-творческие силы – их воплощения – прирост и обновление этих сил»*.

Следовательно, конкуренция капиталов есть в итоге *соревнование субъектов труда по поводу оптимальной реализации своих способностей и умений, а обновление капитала – обновление этих способностей и умений*. Тенденция капитала – выход за пределы достигнутого – означает и выход субъектов за пределы уже реализованных возможностей и потенций к новым возможностям и смыслам. Так мы выходим на сугубо антропологический аспект капитала. Как же осуществляется отмеченный нами креативно-человеческий аспект капитала? Он реализуется как *самодетельность* и соревнование между людьми, как потребность в *общеинтересной и полезной новизне* с иными в отличие от *экономикоцентризма* мотивами. Накопление капитала сменится *накоплением всеобщей идеальной предметности, представленной в культуре*.

Экономикоцентризм с его редукцией культуры до стоимостных показателей (максимум прибыли, минимум нравственности), социализм в отношении к «неприспособленным», «постнравственная» и «постправовая» политика с позиций силы по отношению к

государствам, защищающим национальную культуру и экономику, и другие факторы свидетельствуют о *завершении цикла технологической цивилизации*, и о необходимости утверждения новой ценностной доминанты для качественно иной социальности.

Когда возникает мотивация к инновациям? Пределом для капитала является *узость его экономической формы*, сводящей все к единому параметру оценки социальной эффективности – к *стоимостному*. Такая редукция вступает в противоречие с социокультурным измерением человека, которое *сам же капитал и развивает*. Элвин Тоффлер, футуролог, на глобальном стратегическом форуме в Москве 12 декабря 2007 года привел шокирующий для экономикоцентризма факт: «Появляется все больше людей, которые производят новые ценности без денег. Лучший пример здесь – программное обеспечение. Есть молодой парень, который сидит у себя в маленьком офисе в Финляндии. Ему не понравилась операционная система Windows у него на компьютере, и он придумал другую, лучше. Он сделал это не потому, что его кто-то попросил или заплатил ему, он сделал это совершенно добровольно. И потом он поместил ее в Интернете и сказал: кто может ее улучшить – пожалуйста, делайте. Она совершенно открыта. И это все было сделано без денег. И это испугало Microsoft, а китайское правительство приняло закон о том, что все государственные учреждения Китая пользуются только этой новой системой. ... Парадокс в том, что экономика денег создает технологии, которые повышают продуктивность работ, которые делаются вне зоны экономики денег. Раньше, чтобы измерить давление, мы ходили к врачу и платили ему за эту услугу. Теперь японцы придумали аппарат для измерения давления, которым человек может пользоваться самостоятельно. Или вот фотография... Экономисты не могут просчитать ценность подобных вещей и поэтому говорят, что они не важны, а мы утверждаем, что это и есть самое важное»¹.

В этих высказываниях Э. Тоффлера привлекают внимание три момента: во-первых, особая мотивация к инновациям, не провоцируемая деньгами; во-вторых, рост круга людей творящих

инновации без денег; в-третьих, ограниченность денег в оценке положительных последствий инноваций.

Такая мотивация состоит в том, что профессионал исходит из *самой сути дела*, понимает изъяны рационального компонента в том или ином изделии, *доверяет своему разуму как непосредственно общественному* и поэтому сам дает себе полномочия на совершенствование продукта, важного не только для него лично, но и для всех, для иных потребителей. Самоуполномочивание соединяется с емким социальным чувством – с *профессиональной солидарностью*.

Такая мотивация, «добровольная», по Тоффлеру, инициатива, вырастает из *особого вида труда*: в нем интеллектуальный компонент превалирует над телесными усилиями, творческий фактор – над исполнительским; престижными являются рационализация и изобретательство не только в промышленных, но и в организационно-управленческих технологиях, товарищеская взаимопомощь в проблемных ситуациях и соревновательность в поиске новизны при решении профессиональных задач, публичное обсуждение результатов общего труда, профессиональная честность, требовательность и ответственность; и немаловажное значение имеет то, что жизненные потребности персонала удовлетворены достаточной заработной платой, хорошим питанием, жильем, оздоровительными профилакториями, доступным культурным досугом, отдыхом на природе.

Доктор экономических наук, профессор МГУ Александр Бузгалин размышляет о созидательной мотивации в условиях экономики знаний. *«Но для мира знаний частная собственность устарела»*. Знания, культурные ценности общедоступны. Кто их собственник? Каждый из нас. *«Знания – это такой “пирог”, объем которого становится тем больше, чем больше “едоков” его поглощают*. Вот простейший пример: Александр Сергеевич Пушкин “испек” всем нам хорошо известный “пирог” – поэму “Евгений Онегин”. Петр Ильич Чайковский “съел” этот “пирог”, написав удивительно красивую музыку. В результате человечество имеет два “пирога”: и поэму, и оперу. ... Главные ценности Человека нигде и

---

¹ См.: Агеев Александр. Цунами инноваций // Завтра. 2007. № 52 (736).

никогда (ни в Древнем Риме, ни в Советском Союзе, ни в США XXI века) *нельзя было купить*. Их можно было только обрести. Своим собственным трудом и вдохновением. В открытом диалоге с другими Личностями ... Можно купить учителей и “корочки”, но знания, творческие способности можно обрести только самому. Через труд». Нельзя купить ни знания, ни любовь, ни способность к творчеству или быть другом. Для мотивации работника в экономике знаний характерно «превращение рационального человека, соизмеряющего свои дела и поступки с критерием денежной выгоды, в человека творческого. ... Для него утилитарные блага отходят на второй план. А ценности интересной, креативной деятельности, свободное время, отношения солидарности с товарищами по работе выходят на первый». А творчество, как известно, общедоступно. «Почему более половины выпускников аспирантуры американского университета, -- задает вопрос А. Бузгалин, -- стремятся получить работу ассистента или доцента в колледже, а не менеджера в фирме (где их зарплата могла бы быть в 2-5 раз выше)? Ответ давно известен: у человека, занятого творческой деятельностью, особенно социально востребованной, интересной, денежная мотивация не является главной. Первое место занимает ... сама работа. Плюс отношения солидарности и творческого соперничества (но не рыночной конкуренции) с товарищами по работе. Плюс большой объем свободного времени. Плюс гарантированная занятость». А. Бузгалин заключает: если главной потребностью человека творческого станет сама деятельность, то решится *«проблема отказа от пресыщения»*. Занятому интересной работой *«попросту неинтересно гоняться за десятым костюмом или выбирать себе третий автомобиль Простота передвижения, а не шикарный автомобиль. Уютное жилище, а не огромные апартаменты»*¹.

Автор данной статьи 7 лет трудился на ВПК в службе главного механика (конец 60-х – начало 70-х гг. прошлого века), где труд и досуг имели на деле все описанные выше параметры, которые и

---

¹ Бузгалин А. Поймать ветер истории и стать лидером постиндустриального мира или скатиться в гетто отсталости // Литературная газета. 13-19 февраля 2008 г. №6 (6158).

создавали моральную атмосферу здорового профессионального честолюбия, утверждения в сознании коллектива как личности, достойной профессионального признания, уважения и доверия, направляли трудовую энергию не только на своевременное и качественное исполнение обязанностей, но и на творческое моделирование в решении новых технологических задач, на состязательность, на потребность культурного общения в рамках свободного времени. С благодарностью вспоминаю школу профессионального образования в широком смысле, которую мне довелось пройти в трудовом коллективе закрытого предприятия, ныне Сибирского химического комбината.

Э. Тоффлер обратил внимание на то, что «появляется все больше людей, которые производят новые ценности без денег». Дело заключается в том, что денежный стимул, оценка трудовой эффективности только в стоимостных показателях имеют свой предел, за которыми вступают в действие универсальная сущность человека – его свободная самодеятельность, увлеченность и радость от самого творческого процесса обновления общеинтересного дела, общественное признание, глубинное духовное общение с единомышленниками по обмену опытом творческого искания, некое служение сверхличным идеалам, выводящее за пределы уже достигнутого, «ставшего», «отвердевшего к иным возможностям и смысловым горизонтам. Такое выхождение за пределы достигнутого сообщает личности формат не «цельнокаменной натуры», скроенной раз и навсегда, а личную *неоконечность, открытость* к новым вариантам понимания, общения и действия. Одним словом, в действие вступает *вещно-бескорыстная* мотивация одержимости, увлекательности духовно-культурными побудителями в качестве *самоцели*. Такая мотивация появляется в условиях *среднего и высшего по степени сложности труда*, который нами рассмотрен в отдельной публикации¹.

---

¹ Гончаров С.З. Экономические и культурологические основы перспективных аспектов государственной политики в области образования // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2003, №2 (20). С.126-139.

Стоимостная форма продукта будет и в обозримом будущем. Благодаря стоимости можно устанавливать *количественные пропорции в обмене* товарами. Однако превращение стоимости в *самоцель* производства, сведение полноты жизни и труда к стоимостному индикатору есть та *уязвимая* пята капитала, через которую капитал будет подвергаться эрозии, размыванию. На первый план выйдет не абстрактный, а *конкретный* труд. Стоимость сохранится в качестве *учета трудовых затрат*, как показатель для регулирования необходимого рабочего времени, а не как цель производства. А это обстоятельство является важнейшим в преодолении *овещнения* и социального *фетишизма*. Производство прибыли как цель, оценка социальной эффективности усилий людей только в деньгах – это социальная *редукция*, враждебная культуре и исторически преходящая форма хозяйствования, своего рода смута в общественном сознании.

Общественное богатство существует в трех формах – *натуральной, стоимостной и субъективно-личностной* (способности, умения). Труд, создающий реальное богатство (ценности для потребления и продуктивно-творческие силы человека) превратился в *средство* созидания *богатства вообще*, в созидание «сумасшедшей» (К. Маркс) формы богатства (финансовый капитал). Реальное богатство, оцененное рабочим временем, получает количественную – стоимостную оценку. Стоимостная форма богатства утвердилась как *самоцель*! Количественный параметр богатства взял верховенство над его качественным креативно-антропологическим содержанием. Подобно тому как количественный принцип формальной демократии (один избиратель – один голос) доминирует над качественным, который присущ самоуправлению и народовластию. Но ведь стоимостные показатели вполне можно использовать как *инструмент*, как средство для реализации *нравственных императивов* – измерять эффективность производства людьми собственной жизни *отношением производства к общественным потребностям, к целостному развитию индивидов, к реальным возможностям науки открывать глубинные закономерности «звездного мира»*. При таком критерии эффективности на первый

план выйдет *не абстрактный, но конкретный труд*, определяемый конкретными общими целями. Только конкретный труд может утвердиться как *самоцель в силу его креативности по отношению к человеку*. Тем самым изменится вся социальность, она обретет иные, ценностные критерии жизни и мышления. Степень и пределы развития производства определяются «отношением к целостному развитию индивидов»¹. Экономика при таком критерии предстает как *прикладная, практически реализуемая креативная антропология*. Поэтому в заключение статьи логично выявить основы креативной антропологии, исходя из версии универсальной сущности человека.

Это уместно потому, что в общественном сознании возникли растерянность и пессимизм относительно перспектив человеческого развития.

Универсальная сущность человека как стратегия в развитии науки и образования XXI века. Основные антропологические концепции (натуралистические, социологические, идеалистические, богословские), несмотря на их различия, *толкуют сущность человека как нечто универсальное, т.е. как обладающую бесконечными возможностями саморазвития*. Только основа универсальности понимается по-разному – как неограниченность или продуктивных сил *природы*, сфокусированных в человеке (Л. Фейербах), или *общества* (К. Маркс), или *духа* (Гегель), или *божественных энергий* в душе человека (тексты Священных книг). Отметим в сжатом виде их преемственность и различия.

Согласно *натуралистической* концепции (Л. Фейербах, З. Фрейд, представители социал-дарвинизма Ж.-А. Гобино, Ч. Ломброзо, Л. Гумплович и др.) сущность человека – *природная*; человек сосредоточивает в себе и излучает все основные продуктивно-творческие силы самой природы. В лице человека природа познает саму себя и приходит к самосознанию и самопознанию. Природа – мать, а люди – ее самые одаренные дети. Эта концепция вселяет в человека чувство родства с природой и некий душевный комфорт – чувство Дома. Однако натурализм неудовлетворителен в том отношении, что он дает слишком мало в

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.123.

объяснении бытия человека: почему человек жертвует собственной жизнью ради чести, высокой благородной идеи, Родины, и т.д., переступая инстинкт самосохранения. Натурализм ничего не дает в решении проблем ценностных основ воспитания, педагогики, духовного единения народа, веры и др. Натурализм не обладает возможностями предвидения и прогнозирования относительно развития людей, общества. Фейербах, например, полагал, что тайну человека в состоянии раскрыть лишь прикладная биология – медицина, физиология! Академик Н. Амосов полагал, что «точные науки поглотят психологию и теорию познания, этику и социологию, а, следовательно, не останется места для рассуждений о духе, сознании, вселенском Разуме и даже о добре и зле. Все измеримо и управляемо»¹. Натурализм в понимании именно сущности человека открывает широкие возможности для концепций расизма, нацизма, современного социал-дарвинизма, который пролагает себе дорогу как социал-расизм. Верхним пределом натурализма является или язычество, т.е. возвращение к исторически первой ступени естественной народной религии, или же разгул гедонизма, культ наслаждений в доэпикурейской форме, когда инстинкты отрываются от идеала и с человеческой субъективности снимается ее высший слой – культурные образцы. Натурализм не понимает великой роли искусственных органов сознательной воли – того неорганического тела (материальной и социальной техники), посредством которой общество воспроизводит себя.

Недостатки натурализма преодолевает в значительной мере *социологическая* трактовка: сущность человека *социальна*. Социальное есть формы надприродной активности, которые возникают в совместной деятельности и общении людей, закрепляются в теле человека нейрофизиологически и выступают как человеческие способности. Способности есть усвоенные человеком социально значимые способы деятельности. Способности вырастают не из органического тела человека, а из его социального тела – из деятельности и общения. Эта концепция исходит не из естественной природы (натуры) а из «второй природы» (культуры). Эта концепция

---

¹ Цит. по: Кара-Мурза С. Идеология и мать ее наука. М., 2002. С.133.

в значительной степени объясняет существенные особенности бытия человека, но в ее рамках не понимается в должной мере *направляющая и регулятивная функция духа, сознания, мышления* в жизни человека и в функционировании всех звеньев социальной системы. Эта концепция так же *крепко привязывает человека к социальной действительности, как натурализм приковывает человека к природе*. Пределом в рамках такой концепции является достижение земного благополучия, процветания, «рая». Но когда такое благополучие достигается, то люди *теряют вдохновляющие их ценности*, у них атрофируется духовное миропонимание, и наступает стремительное понижение ранга ценностей, т.е. *пошлость*. Например, страны «золотого миллиарда» достигли материального процветания, которое совпало с их стремительной духовной деградацией. Запад материально может почти все, отмечал И.А. Ильин, а духовно уже почти ничего. Буржуазная и атеистически-социалистическая идеологии есть порождения западной технической цивилизации. Обе они делают ставку на обустройство *внешней жизни внешнего человека*. Но одна исходит по-преимуществу из частной собственности, а другая – из общественной. Глубинная же ценностная установка одна и та же – сытая при внешнем изобилии жизнь, но с обезбоженным, безвдохновенным самосознанием. Не случайно, руководители КПСС и советского государства в период «перестройки» и «реформ» быстро отбросили коммунистические идеалы и предались самому бесстыдному потребительству, обнажив тем самым *пределы социально понимаемой* сущности человека. Дело в том, что социологическая версия человека не содержит в себе того идеала, который бы открывал человеку возможности саморазвития в направлении *духовного возвышения*. Человеку становится *душно в застенках социального быта и бытия*. Поэтому в порядке компенсации возникает потребность во все новых и новых формах наслаждений, и начинается деградация по всей линии. Если бы счастьем, по мысли Гераклита, было бы услаждение тела, «счастливыми назвали бы мы быков, когда они находят горох для еды»¹.

---

¹ Антология мировой философии: Античность. М., 2001. С.30.

Ограниченность социологической концепции преодолевается в рамках *идеалистического* понимания сущности человек как *духовной* реальности (Кант, Фихте, Гегель и др.). Дух есть высшее, самое концентрированное выражение и продолжение социальности, знающая себя и устремленная на себя социальность. Дух есть ее идеальный «ген», программирующий поведение людей и народов на века. В рамках духа осуществляется самоопределение, самоорганизация и самопроектирование социальности. Социальность же есть реальность, производная от самостоятельности духа, опредмеченный дух. Если социологическая концепция абсолютизирует внешний коллективный опыт человечества, то идеалистическая концепция является обобщением внутреннего, духовного опыта людей. Идеалистическая концепция имеет тот существенный недостаток, что в ее пределах сущность человека получает самые многообразные истолкования, при которых теряется *единое ценностное основание*, позволяющее объединять сознания и воли людей на *объективно лучших, совершенных содержаниях*. Возникает «плюрализм без берегов», который рассеивает общество на атомы-персоны и обессиливает общество и государство.

Православно-ориентированная антропология (И.А. Ильин, А.М. Лосев, Н.О. Лосский, С.Л. Франк и др.) тем отличается от секулярно-философской, что она решает проблему *абсолютного основания духовного единения людей*, исходя из определенной методологии: человек, конечно, соткан из природного материала, из остывшей «звездной пыли»; но природное снято в надприродном, в социальном; социальное же в человеке снято в духовном; духовное в человеке есть веяние божественных энергий; поэтому человек есть «религиозное существо». Таким он воспринимал себя уже на заре истории. С позиций вертикали «*божественное – духовное – социальное – природное*» яснее можно понять удельный вес компонентов бытия человека.

Например, православная антропология понимает человека с позиций *абсолютного и единого основания*: Бог есть полнота совершенств; душа человека есть образ и подобие совершенства Божия; она таит в себе отблеск божественного совершенства и

причастна по своему источнику к Совершенной реальности. *Совершенство Божие – источник всех положительных качеств и ценностей человека.*

Поскольку душа каждого человека есть образ и подобие Божие, то *каждый человек есть творец по своим потенциальным возможностям.* Православная антропология толкует талант не как исключение из правила, а как *норму в развитии каждого человека.* Бездумное исполнительство, деградирование людей возникают тогда, когда они собственными усилиями гасят в себе свет совершенства, оскверняют свою душу ничтожным содержанием в погоне за «прелестями», отрывая инстинкт от идеала, натуру от культуры, душу от Бога. Одним словом, сами «пылят», и потому не видят «Солнца» своего духа. Православная антропология креативно антропологическая, *человекотворческая по существу.* Ибо она связывает творчество с Творцом и основывает творчество на духе совершенства, на положительной аксиологии, предохраняя личность от *вседозволенности и безответственности.*

Образ совершенства Божия продуктивен для науки, искусства и нравственности. Если совершенен Творец, то совершенны и те меры, согласно которым сотворены мироздание и человек. Задача науки – познавать эти меры и содействовать улучшению реальности. *Наука является, таким образом, познанием Бога по Его творениям.*

Но человек – существо не только мыслящее и разумное, но и чувственное, *воображающее и созерцающее,* что является субъективной основой *искусства.* Божественные идеи-меры даны человеку в природном материале и занавешены им. Задача искусства – представить эти идеи-меры в таком виде, чтобы они стали прозрачными для созерцания. Тогда эти *идеи-меры будут восприниматься не только как истина, но и как красота.* Искусство призвано *окультуривать чувственность, воображение и созерцание по законам красоты,* а не эстетизировать пороки и не разнуздывать инстинкт вне идеала, чем заняты современные СМИ России.

Нравственность возникает из отношения человека к другим людям, к самому себе и к Богу. Если душа каждого человека есть образ и подобие Божие, то *души всех людей имеют равноеценное*

достоинство. Вот почему не состоятельно самовозвышение себя ценой унижения других. Человеку дана таинственная способность, основное нравственное чувство – совесть. Совесть оценивает помыслы и деяния, исходя из равноценности достоинства каждого человека. Совесть существует в человеке, но она выше человека, независима от его произвола и судит надындивидуальной мерой. Хотя люди разные, но когда они поступают по совести, они поступают одинаково, согласно своей единой богосотворенной сущности. Нравственность, согласно Православию, обязывает видеть в душе каждого человека образ и подобие Божие, признавать равноценность достоинства каждого человека независимо от пола, национальности и социального положения, не превращать других людей лишь в средство для своих личных целей, оценивать помыслы и деяния абсолютной мерой – образом Божиим – и спасать себя и других тогда, когда человек теряет в себе этот образ. Одним словом, нравственность обязывает жить по заветам Христа-Спасителя.

Итак, православная антропология не отрицает природных, социальных и, тем более, духовных аспектов бытия человека. Она устанавливает иной ранг (божественное выше человеческого, духовное выше душевного) и оценивает человека абсолютной мерой: насколько он в своем духовном измерении есть «образ и подобие Божие». Исходя из этого «образа» соответственно толкуется и процесс образования по линии духовного возрастания. Достоинством данной антропологии является абсолютное основание именно ценностного порядка, из которого выводятся все иные креативные характеристики человека, в первую очередь, нравственность.

Существует эклектичное толкование сущности человека – как «био-социальной» или как «био-социо-культурной». Но сущность – это не рядоположенные кубики, не плюрализм и мозаика, а *монизм, единство* в многообразии. Предмету, коль он реально *определен*, свойственна *одна* сущность. «Коктейль» же из «био-социо-культурной» сущности логически невозможно мыслить. Вместо понятия будет расплывчатое представление. Э.В. Ильенков по поводу подобной «био-социальной» сущности остроумно возразил: почему

бы человеческую сущность не представить как «квантово-механико-физико-химико-био-социальной». Очевидно, авторы подобных версий стремятся ничего не упустить в определении. Но все-таки следует различать *сущность* человека и его *существование*, а тем более его *действительность*.

В понимании природы человека можно еще отметить две крайности¹. Первая группа теорий (*антропологический эссенциализм*, от слова «essentia» – сущность) утверждает, что сущность человека априорна, предзадана отдельному индивиду. Такие теории «фундируются» как правило, в биологию и им присущ *объективизм* в понимании человека (фрейдизм, социал-дарвинизм – Ж. А. Гобино, Ч. Ломброзо, Л. Гумплович, А. Розенберг и др.). Объективизм питает собой разные формы *тоталитарного гуманизма*: путь к единой человечности может осуществляться тотальным включением каждого индивида в нивелирующую структуру идеологизированного общества. Отклонение от идеала сущности человека квалифицируется как антигуманизм. Тоталитарный гуманизм исключает индивидуализацию.

Вторая группа теорий (*антропологический экзистенциализм*) утверждает обратное: сущность человека не предзадана априорно, биологически, трансцендентно; существование (*existentia*) человека предшествует его сущности, которая конституируется в актах выбора, самопроектирования и самоответственности за выбор и проект.

Если эссенциализм игнорирует субъективную, а экзистенциализм – объективную, социально обусловленную, стороны бытия человека; если, по эссенциализму, человек завершен, монолитен, остановлен в развитии, не процессуален, то у экзистенциалистов сущность человека уникальна, разнообразна, неповторима и несравнима, тем самым уничтожается родовая определенность человека; наконец, эти теории *антиисторичны*.

История, конечно, сформировала сущность человека в ее *родовой* определенности, но эта сущность модифицируется в актах деятельности и общения в тот или иной период истории; ее

---

¹ Об этом см.: Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: Методологический подход. – Екатеринбург УрГУ – ИФиП УрО РАН-РФО, 2007.

видоизменения – «это действительно, важное усовершенствование человеческой природы, но ни в коем случае не отказ от нее» (К. Маркс). Сущность (природа) человека – свободная самореализация его творческих сил в актах самодеятельности, в силу чего человек испытывает радость и удовольствие от созидательного самоосуществления и от признания своей собственной социальной значимости.

Раскроем те основы универсальности человека, которые доступны эмпирической проверке и приемлемы для *научного* сознания.

Первая, исходная, основа – присущие человеку искусственные органы целенаправленной воли. Социальное тело человека включает в свой состав органическое тело и тело неорганическое. Неорганическое тело есть искусственные функциональные органы целенаправленной воли и представлены как техника материальная для обработки природы, как техника социальная (нематериальная) для «обработки людей людьми» и как техника интеллектуальная для обработки тех значений, которые функционируют в головах людей.

С появлением неорганической *внешней надставки* над органическим телом возникает одновременно и «*внутренняя надставка*» в сфере психики – сознание. Психика обслуживает функционирование органического тела. Сознание появляется как технологически необходимый регулятивный фактор, который *направляет функционирование неорганического* тела. Это тело может функционировать при условии, если оно представлено в сознании *системой значений*. Представим это схематично:

ПСИХИКА + СОЗНАНИЕ

ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА = ОРГАНИЗМ + НЕОРГАНИЧЕСКОЕ ТЕЛО

Натурализм в понимании человека как раз и упускает *решающее значение искусственных органов общественной практики*, будь то средства труда или социальные организации. Между тем история людей, как и коллизии, драмы и трагедии, связаны с искусственным телом общественного человека.

С помощью материальной техники люди *превращают свойства и процессы природы в органы своей сознательной воли*, вовлекают в материальный процесс все новые связи и зависимости, и *в принципе наращиванию технологической мощи человека (человеческого рода) нет предела, если нравственность сохраняет свое верховенство*.

Маркс писал: «Практическая универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое тело*, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть *неорганическое тело* человека ... в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. ... Животное формирует материю только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету соответствующую мерку; в силу этого человек формирует материю также и по законам красоты. ... Благодаря этому производству природа оказывается *его* (человека) производением и его действительностью. Поэтому предмет труда есть *опредмечивание родовой жизни человека*: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает себя в созданном им мире»¹.

Вторая основа универсальности – социальная наследственность. Биологическая наследственность закодирована в организме. Социальная наследственность транслируется от поколения к поколению посредством *культуры*, символических и знаковых систем. Культура создается всеми предшествующими поколениями и содержит для каждого отдельного человека бесконечно многообразные варианты саморазвития.

Третья основа – отсутствие врожденных программ именно социального поведения сообщает человеку способность *овладевать любыми программами* и быть самопрограммируемым субъектом собственного саморазвития.

---

¹ *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956. С.565-566.

Четвертая основа – свобода воли, самодеятельность, творчество. Психика человека вырвалась из цепи рефлекторного кольца. Между причиной и следствием в действиях человека вклинились размышление, свобода выбора вариантов действия на основе значений, идеального. Свобода есть *самопричинность через произвольные, намеренные действия* и дана каждому как самоопределение, как выбор возможностей. Мыслить, любить, волишь, веровать человек может только свободно. Из свободы воли следуют нравственность и право. Право *вменяет* личности свободу, и человека освобождают от ответственности, если он был в невменяемом состоянии, т.е. если его психика была настолько захвачена аффектами, что погасила свободу воли.

Человек не продолжает наличный причинный ряд, а *порождает новые причинные ряды*, не вытекающие непосредственно из предшествующих ситуаций. В отличие от животных он не сращивается со своей жизнедеятельностью и с ее продуктами, а отстраняется от них, делает их предметом размышления и воли, изменяет их. Обновляя способы действия, он тем самым обновляет свои способности. Ибо *способности есть ничто иное, как усвоенные способы действия*. Деятельность по изменению предмета развивается в *самодеятельность*, т.е. в *свободную самонаправленную* деятельность, которая устремлена на преобразование самих схем деятельности. Центр тяжести смещается с изменения предмета на «самоизменение» субъекта. Поэтому «человек есть *самоустремленное* существо» (К. Маркс). Самоустремленность позволяет каждой сущностной силе – воображению и эстетическому созерцанию, мышлению и воле, вере и любящему сердцу – не терять себя в предмете и обновлять свое содержание в его *бесконечном эмоциональном и смысловом многообразии*.

Субъект самодеятельности относится к своим личностным предметным воплощениям как основа к обоснованному и выступает как существо *самообоснованное*, как самоустремленная социальность, «он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» (К. Маркс). Связка «свобода – самодеятельность – творчество» позволяет человеку быть

не застывшим кристаллом, не цельнокаменной натурой, скроенной природой раз и навсегда, а субъектом самоопределения, самообновления, самоосуществления; т.е. быть *неоконечным*.

А истоком неоконечности субъекта является свободная самодеятельность, *самоактивность* как культурное продолжение природной *ауторитмии*. Ю.М. Бородай на обширном естественнонаучном материале показывает, что *ауторитмия* есть *генетически исходная, первичная форма активности в биологической эволюции*. Он пишет: «наиболее древней, исходной формой нервной деятельности является не рефлекс, но *произвольная активность*»¹, т.е. ауторитмия. В процессе эволюции, с усложнением внешней среды обитания эта *всеобщая, простая форма спонтанной активности* специализируется в систему рефлексов. Но и в динамической системе рефлексов ауторитмия не исчезает, она блокируется не полностью. Рефлекс даже в самой чистой форме представляет собой «ауторитмический процесс, поставленный под афферентный контроль...»². Эволюция жизни, замечает Ю.М. Бородай, шла «не в направлении увеличения произвольности», но по пути «все более жесткого связывания изначально произвольных самодвижений разнообразной внешней детерминацией»³. Возникновение свободы воли, воображения – это разрыв непрерывного рефлекторного кольца, «прерыв непрерывности внешней детерминации рефлекторной динамики» и «рождение *произвольного* идеального представления»¹. Именно «произвольного»!

Выходит, что произвол воли, воображения есть возвращение к исходному началу, к первичной форме произвольной активности (ауторитмии), но на новой основе, с удержанием достигнутого на последующих ступенях эволюции? Получается, что так оно и есть. Джинн, сидевший в сосуде биологической эволюции (ауторитмии), выбил «блокирующую» пробку рефлексов, вырвался наружу и превратился в ... продуктивное воображение, в свободу воли, в апперцепцию! Становится понятным великое открытие И. Канта: его

---

¹ Бородай Ю.М. Эротика – Смерть – Табу... С.52.

² Там же. С.53.

³ Там же. С.54.

настойчивость в утверждении спонтанной активности воображения, а также «самодеятельности» рассудка, апперцепции, равно как и свободы воли. Принцип произвольности, справедливо отметил Ю.М. Бородай, стал «коперниковским переворотом» Канта в философии, необходимой предпосылкой понимания «свободной целесообразной деятельности как сущности всех человеческих проявлений вообще»².

Апперцепцию (чистое «Я») можно представить как замкнутую на себя чистую однородную *самоактивность*. Сама по себе она не специфицирована на волю, мышление, воображение и др. Это – ее дальнейшие модификации в процессе социализации индивида. Когда она обращена на переработку представлений, то выступает как *трансцендентальное воображение*, не смешанное с чувственной модальностью. Чистая самоактивность, хотя и специфицируется в дальнейшем на волю, воображение, мышление, но не растворяется в своих модификациях. Ведь наше чистое «Я» сохраняет себя в смене наших субъективных состояний (радость, печаль, восторг и проч.). Самоактивность «Я» (апперцепции) есть *необходимая субъективная предпосылка* свободы – воли, мысли, воображения, чувства и др., а также самоопределения и иных субъектных качеств. Важно перевести такую самоактивность в мир значений и поступков.

Для самоактивности «Я» не существует *никакой наперед заданной логики*. И поэтому наше «Я» в мыслях, воображении, в эмоциональном вживании может уподобляться любым состояниям предмета (что присуще гениям искусства – Пушкину, Лермонтову, Шекспиру и др.), моделировать все новые проекты действия и предметных структур, может отстраняться от всех своих предшествующих построений и со стороны созерцать их (рефлексия).

Что же побудило психику вырваться за пределы рефлексорного кольца и *удваивать реальность* на чувственно-воспринимаемую и воображаемую? Крайне суровые обстоятельства, которые тщательно проанализировал Ю.М. Бородай в цитируемой выше монографии.

Пятая основа – общественная природа человека, интенсивно раскрытая в актах общения, общественных отношениях. Именно

---

¹ Бородай Ю.М. Эротика – Смерть – Табу. С.85.

² Там же. С.23.

общение принуждает психику к *обобщению*, к общим, социально важным значениям, без которых невозможно общение. Сознание (совместное знание) и есть система всеобщих, социально важных значений. Общие, общественные отношения, резко раздвигают горизонт сознания, и человек, будучи *родовым* существом (осознающим себя наследником культуры человеческого рода), осознает и *род* вещей, их *закон и сущность*, а не просто случайные внешние особенности, данные в живом восприятии. В общении осуществляется обмен различными содержаниями человеческой живой субъективности, происходит *взаимное дополнение, обогащение и обновление* субъектов общения, *осознание родовой природы* человека, развернутой в *бесконечном вариативном многообразии*; понимание того, что *ни одна личность не может исчерпать полноты* всей человеческой субъективности. Такое понимание предохраняет личность от абсолютизации своей позиции по тому или иному вопросу и ориентирует на опыт другой личности как на возможность увидеть мир в иной грани, в новом измерении. «Точно так же чувства и наслаждения других людей, – подчеркивает К. Маркс, – стали моим *собственным достоянием*». Способности и опыт других людей превращаются в *дополнительные духовные органы личности*. У человека, подчеркивал Маркс, – «кроме ... непосредственных органов образуются *общественные органы в форме общества*». Маркс поясняет: «Так, например, деятельность в непосредственном общении с другими и т.д. стала органом проявления моей жизни и одним из способов усвоения человеческой жизни»¹. Общение креативно антропологично не только потому, что оно взаимно обогащает содержанием субъективности, но и потому, что может сообщать *перспективу* личности: чем больше масштаб того общего дела, в котором личность участвует, тем труднее, серьезнее, интереснее, значительнее становится сама жизнь, дарующая вдохновение, творчество, прозрение и умудрение. Это в рамках буржуазности своекорыстный расчет, личное обогащение, кривляние в пустяках, в «шоу» может казаться «умением жить».

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года... С.121.

Шестая основа – разумная сущность человека. Тело немыслящее действует согласно своим материальным свойствам. Мыслящее тело строит свои действия согласно формам и закономерностям внешним тел, причем, любых¹. Оно учитывает логику того целого, в составе которого оно действует. Мыслящее существо идеально перестраивает схемы действия согласно новым обстоятельствам. Благодаря мышлению человек выступает не частной силой природы наряду с другими ее силами, а как субъект, способный управлять всеми стихийными силами. Разум – универсальная сила не только планетарного, но и космического масштаба. Человек превращает механические, физические, химические, биологические, социальные силы и процессы в органы своей разумной воли, бесконечно увеличивая свою власть.

Универсальность человека поэтапно разворачивается в его истории через многие поколения и деяния миллиардов людей. Это – величественный процесс в масштабе мироздания. Природа величественна, писал великий космист Ф. Энгельс в одном из писем. «Я всегда с любовью обращался к ней, но история кажется мне даже более величественной, чем природа. Природе потребовалось миллионы лет для того, чтобы породить существа, одаренные сознанием, а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы организовать совместную деятельность сознательно: сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы, ... добиваясь сообща заранее поставленной цели. ... Наблюдать этот процесс, это все приближающееся осуществления положения, небывалого еще в истории нашей планеты, представляется мне зрелищем достойным созерцания, и я в силу всего своего прошлого не мог бы оторвать от него своего взора»²!

Вектор исторического саморазвития заключается в самоосвобождении людей от природной стихии на тернистом пути восхождения к большей свободе большего числа людей, к духовному

---

¹ Ильенков Э.В. Дialeктическая логика... С. 38-40.

² Энгельс Ф. Письмо Джорджу Уильяму Ламплу. 11 апреля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.39. М., 1966. С.55-56.

совершенству, к гармонии духа и природы, к осознанию духовного единства и солидарности человеческого рода.

Практическая универсальность выражается и продолжается субъективно – *во всеобщих по значению продуктивно-творческих силах человека, которые организуют все особенные, профессиональные умения.*

Это – *мышление*, способное понимать объективные закономерности любой реальности, вынося субъективное сопровождение за скобки; *продуктивное воображение*, моделирующее формы и образы в их бесконечном разнообразии и смысловом единстве; *духовные чувства*, окультуренные пониманием и *возникающие от переживания значений* в бесконечном многообразии; *воля*, способная переводить знания и ценности в реальные поступки и дела, осуществлять понятия и ценности, давать им практическое воплощение; *бескорыстное эстетическое созерцание*, дарующее способность переживать меры и гармонии в их многообразии; *вера*, устремленная на надындивидуальные, надгрупповые абсолютные и совершенные ценности, которые выводят сознание из застенков быта и социального бытия в бесконечную сферу безусловных значений и божественных смыслов и служат основой духовного единства и сплоченности народа; *совесть*, оценивающая помыслы и деяния с позиций надындивидуальных, сверхнациональных, сверхконфессиональных и исходящая из равноценности достоинства каждого человека независимо от пола, социального положения, национальной принадлежности – с позиций должного нравственного совершенства.

Перед наукой XXI века острые экологические, социально-классовые и мировоззренческие проблемы ставят задачу – вернуться из «рассеяния» в материально-предметной, политической, эгоистически классовой сферах в *креативную культурную антропологию*, чтобы разрабатывать концепции и технологии, направленные на культивирование универсальной сущности человека на пути к совершенству, к гармонии духа и природы, к братскому единению народов. Разумно продолжить не объектную, а субъектную классическую философию, идущую от Сократа, к Канту, Фихте,

Гегелю и к Марксу и обогащенную богатым ценностным содержанием совершенства русской философской классики.

Неизбывность и креативность противоречия. Сущность человека универсальна, а существование каждого индивида конечно в этом мире. Это – абсолютное противоречие, которое разрешается в ходе истории человеческим родом. Универсальная природа человека встречается на каждой исторической стадии *ограничения со стороны формы общения* (общественных отношений). Противоречие *между человеческой универсальностью и формой общения* является *всеобщим* и в экономическом, и в социологическом, и в узко личностном отношениях. Вся история в ее антропологическом разумном аспекте есть длительный процесс разрешения этого противоречия. Каждый народ в силу своих особенностей решает это противоречие по-своему. Более того, в каждый период, в каждом коллективе противоречие между креативной деятельностью (самодетельностью) и общением встает во весь рост. Разрешение этого противоречия – творческая задача, тестирующая руководителей и коллективы на умение (ум) думать самостоятельно, предметно, творчески. В советском обществе 70-80-х годов XX века, писал А.С. Панарин, назрело острое противоречие не по поводу собственности, а между возросшим образовательным и культурным потенциалом советского человека и «евнухами идеологии, запрещающими публичное употребление разума», между «накопленным интеллектуальным капиталом» и «суженными возможностями его практического профессионального применения». Кто реально производил общественный продукт (рабочий, инженер, ученый и др.), тот все более отстранялся от участия в решениях и испытывал «дефицит профессиональной самостоятельности»¹. Классический марксизм тут, как видим, не причем.

Общий принцип решения противоречия состоит в нахождении таких форм общения (общественных отношений, регламентаций, социальных норм и т.п.), которые открывали бы простор для развертывания человеческой универсальности, креативной деятельности, побуждали к свободной, и *радостной*

самоактуализации и самореализации творческих сил индивидуальности. Решение этого противоречия есть *практическая диалектика*, она по силам только коллективному разуму в условиях *человеческой общности*.

Однако данное противоречие не разрешимо *окончательно*, как и всякое содержательное противоречие, связанное с сущностью предмета. Его разрешение на каждый период состоит в приведении к соответствию *самодетельности и общения*. Но это соответствие нарушается всякий раз все новыми «флуктуациями», инициативами, обновленными технологиями и практиками: *более просторные для самодетельности формы общения, побуждая к инициативной самодетельности больший круг лиц, сами готовят себе угрозу своего собственного «социального старения», а значит и отрицания*. Сообщать самодетельности людей свободные формы – таков общий рецепт.

Данное противоречие созидательное и личностно развивающее. Однако противоречие между самодетельностью и формами общения выражает собой противоречие между субъектами – различными социальными группами. Ведь кто-то заинтересован в сохранении «окостеневших» форм общения. Ссылки на объективные «факторы» разоблачаются как оправдание группового своекорыстного интереса. Социальная борьба за обновление форм общения становится вполне адресной. Противоречие «между производительными силами и производственными отношениями» – одно из форм противоречия между самодетельностью и общением. Данное противоречие присуще всем сферам и «порам» общества, будь то семья, институты образования, научные сообщества, конфессии, общественные объединения и политические партии, отношения между поколениями и т.д. Это противоречие может носить формы антагонизма, согласованного партнерства, солидарного единодушия в обновлении и др.

Негативными крайностями является абсолютизация субъектности или на уровне личности (*персоноцентризм*), или корпораций (*корпоративизм*), или на уровне социальных институтов, будь то партия,

---

¹ Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2003. С.114-116.

церковь, государство (*социоцентризм*). В таких случаях происходит нарушение *социальной синергии, гармонии между мерами частей и мерой целого*.

В первом случае ставка делается на права человека, на формальную демократию. Набирают силы индивидуализм, атомизация общества, многообразие ценностей без их единства, рассогласованность воли и внешних дел. Распадается социальный ранг, субординация и координация социальных институтов. Формальная демократия таит в себе со времен Платона и Аристотеля анархию и тиранию.

Во втором случае (корпоративизм, регионализм и т.п.) юридический субъект (корпорация, регион и т.п.) стремится свою *особенную* субъектность поставить по рангу *выше всеобщей* субъектности, представленной государством. Возникает «многоцентрие», борьба «удельных княжеств», парализующая целостность общества.

При социоцентризме ставка делается на иерархическую организацию, на внешнее единство без индивидуальной внутренней свободы. Субъектные функции *монополизируются* тем или иным социальным институтом, а лица превращаются в исполнителей. Начинается всеохватная (тотальная, отсюда – *тоталитаризм*) регламентация мышления, поведения, потребления. Она ведет к прогрессирующему параличу инициативы и самостоятельности граждан. Их субъектные функции отмирают. Общество поляризуется на «субъекты» и «объекты», на «ведущих» и «ведомых», на «авангард» и на «массы». Но на пассивной массе далеко не уедешь. Авангард прибегает к традиционному приему: он взбадривает «массу» показным энтузиазмом – бравурными маршами, песнями, уверениями-заклинаниями о «самостоятельности масс», и об их свободной и радостной жизни. И чем дольше длится показательный энтузиазм, тем больше он разоблачает свою фальшь. Так общество движется к неизбежному кризису. Во всем этом характерно следующее. Граждане *сами отчуждают от себя свои субъектные функции* (право на самоопределение и выбор, на самостоятельность и нормотворчество) и передает их внешнему Гаранту, Инстанции, превращая ее в самодовлеющего Субъекта, а самих себя – в определяемый объект. Так как право на самоопределение незаметно сосредоточивается в одной Инстанции, то возникает *гипноз ее Авторитета, ее Культ*. Она наделяется некоей сверхъестественной способностью быть всегда Мудрой и Справедливой. Дело теперь представляется так, что

Инстанция права не потому, что она решила истинно, а потому, что она – Инстанция, а значит и права! Это есть разновидность *социального фетишизма*, особенно присущая светскому сознанию.

Крайности персоноцентризма, корпоративизма, социоцентризма состоят в *рассудочном отделении* всеобщего, особенного и единичного (В – О – Е) и в утверждении или *всеобщего* (социоцентризм), или *особенного* (корпоративизм) или *единичного* (персоноцентризм радикальных либералов) как *самоцели*, как самодостаточного первоначала. Между тем В – О – Е есть органичные моменты единой целостности, и разумное мышление состоит в нахождении *меры* в соотношении этих моментов.

Диалектика состоит во всех случаях в *понимании тождественного в различном, единого в многообразном, всеобщего в особенном*. Если же встать лишь на точку зрения *особенного*, то одному особенному противостоит другое особенного, и сознание будет видеть *только различия* без внутреннего их *единства*. Каждый начнет настаивать только на *своем особенном*. В итоге различия заостряются до враждебных противоположностей, до острого противоречия, которое в итоге заставит посмотреть на предмет более глубоко и увидеть за *особенным всеобщее содержание*, существующее через особенное, а не рядом с ним. Точно так же особенное существует не вне всеобщего, а как форма его своеобразного бытия. Именно в рамках *всеобщего* (для *сторон общения*) *содержания можно осуществить творческий синтез тех противоположностей, которые ранее представлялись непримиримыми*. Под всеобщим всякий раз скрывается нечто *субстанциальное*, как выразился бы Гегель, т.е. то *общее дело*, в рамках которого только и возникают проблемы и противоречия. Такое дело связывает усилия каждого в единство, в общее произведение. И *только в общем деле*, а не в пустяках и курьезах («комаров субъективности», по Гегелю), можно утвердить себя в сознании других достойным образом, т.е. внести *важный вклад*, а значит и обрести *уважение*.

Согласованность В – О – Е выражается эмпирически как социальная синергия, а в плане теоретическом предстает как общий

закон: в жизни социального целого оптимальным является *согласованность меры целого с мерами частей*. Такая согласованность обеспечивает *здоровое состояние* общества и человека, государства и гражданина, церкви и прихожанина, армии и воина, экономики и хозяйствующих субъектов. *Здоровье*, по определению ЮНЕСКО, есть телесное, психическое и социальное благополучие как выражение *гармонии целого и частей*. Регресс, болезнь начинаются тогда, когда *часть претендует, как самодовлеющее начало, на роль целого*. В итоге гибнет целое, гибнет и часть со своими претензиями. Так раковая клетка убивает организм, так эгоизм подтачивает коллектив, а верховенство «прав человека» над правами народа (на его историю, территорию и культуру) распыляет общество на атомы-персоны, меркнут единые ценности, крошатся нравственность, правосознание и государство, и народ как целое обрекается на гибель. Болезнь, регресс – это *эгоизм части за счет меры целого*.

В России народ выстрадал закон социальной синергии. Народное сознание всегда оценивало как положительные ценности любовь, дружбу, товарищество, сотрудничество и содружество, взаимопомощь, солидарность, патриотизм, соборность, государственный подход к делу и др. И, наоборот, эгоизм, гордыня, тщеславие, индивидуализм, местничество, сепаратизм, раскол всегда осуждались как несчастье, как болезненное состояние человека, церкви, государства и самого народа. Смута в России XVII века оценивается до сих пор как великое несчастье и позор.

От чего же зависят различные формы разрешения противоречия? От самого древнего основания, на котором выросал антропогенез и на котором держится современное общежитие людей – от *нравственности*; т.е. от *степени признания других людей и народов как субъектов равноценного достоинства*. Дело не в дефиците нефти и иных углеводородов, а в *дефиците совести*. Такова правда. Но само это противоречие *неистребимо* потому, что неунничтожима сама *основа* противоречия – *самодетельность и соревнование людей, различия в их притязаниях, в социальных статусах и в тех функциях, которые распределяются между*

субъектами самой логикой общего дела. Развитие и есть способ разрешения противоречий, порождающий разумную форму – диалектическое мышление субъектов, исходящих из социального целого, из общественного жизненного процесса, из креативного обновления социальности, а не только из того, что каждому из них лично надо. Ведь в составе жизни каждого из нас есть сугубо индивидуальное и сверхличное – общественно важное дело, большое и прекрасное. И вот личная жизнь ценна в той мере, в какой в ней воплощено сверхличное. По такому критерию чтят героев, мыслителей, подвижников.

У Гегеля *не диалектика является определяющей*, а процесс нарастания конкретности в развитии целого путем разрешения противоречий. Ведь конкретное содержание более значимо в практическом отношении, конкретное знание дает свободу и власть над реальностью. Степень практической значимости определяет собой и степень теоретической конкретности знания.

Противоречие есть форма, в пределах которой противоположности, дополняя друг друга своими содержаниями, *срастаются* в новое, более развитое образование, и возникает *полнота* содержания. Именно в противоречиях проходят *апробацию на жизнеспособность те или иные содержания*. И выдержав противоречия, они *срастаются в конкретное целое*. Поэтому противоречия источник не только деструктивности, разлома и гибели, но и способ возвращения жизнеспособных конкретных форм. Если в мышлении разумно восходить от абстрактного содержания к конкретному содержанию, то не менее разумно это осуществлять и на практике, в налаживании, «конструировании» социальных связей с емким человеческим конкретным содержанием.

Ранее мы отметили два типа строения социальности – субъективное и объективное – по таким параметрам, как строение производства, общественных отношений и сознания¹. Из объективного строения социальности закономерно вырастает, как это мы пытались проследить, ее универсальное (субъектное) строение.

Универсальное (субъектное) строение социальности.
Научные технологии, экономика знаний неизбежно выведут общество

---

¹ См: Гончаров С.З. Логика мышления и аксиология сердца... Монография. – Екатеринбург: Банк культурной информации. 2006. С.146-182.

на качественно более высокий – антропогенный уровень. Эффективность труда будет зависеть не от величины мускульных усилий работников, а от мощи тех искусственных органов общественной практики (техники), которые созданы при помощи науки. Тем самым, непосредственное рабочее время *перестает быть мерой богатства* и производству, основанному на *меново́й стоимости, приходит конец*¹. Маркс так конкретизирует данный технологический аспект: «Теперь рабочий уже не помещает между собой и объектом модифицированный предмет природы; теперь в качестве промежуточного звена между собой и неорганической природой, которой рабочий овладевает, он помещает природный процесс, преобразуемый им в промышленный процесс. Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним». В качестве главной «основы производства и богатства» выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господства над ней в результате его бытия в качестве общественного организма. ... Происходит свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место ... сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т.п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам»².

Меновые отношения сбрасывают свою загадочную товарную форму: за движением товаров, иных стоимостных показателей люди будут видеть *движение своих собственных трудозатрат*. В общественном сознании рассеется товарный фетишизм. На первый план выйдет не производство средств жизни (материальное производство), а *культурное воспроизводство* поколений, поэтому социальная сфера общества будет главной (то, ради чего). Культурное воспроизводство людей станет главным *содержанием общественных отношений*, и

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.2. – М., 1969. С.214.

² Маркс К. Цит. соч. С. 213–214.

тем самым отношения между людьми станут *непосредственно-общественными*, без анонимности разного рода факторов, которые вступают между собой в особые надчеловеческие отношения. Иными словами, общественные отношения перестанут выступать для сознания в их овещненной форме.

Общество вступит в постэкономическую эпоху своей истории, когда «по ту сторону его [труда – С.Г.] начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы»¹. Ибо «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, по природе своей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства». Свобода же в области материального производства может заключаться «лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, ... совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей»².

Политическая сфера общества тоже подвергнется дефетишизации. Социальные институты, окончательно надоев гражданам своей бюрократической замкнутостью и самовоспроизводством в расширенном масштабе, снова примут социально ясную функцию – *как органы коллективной воли для самоорганизации и самоуправления ассоциированных субъектов*.

Ценностно-нейтральный стиль объективного научного мышления избавится от этой односторонности: объективное понимание реальности будет дополнено равноценным компонентом – *ее ценностным пониманием и переживанием*; разум и «сердце» – это два крыла духовного полета творческой индивидуальности, не изуродованной технической цивилизацией в одномерный логический интеллект. Мышление станет *интегральным, целостным, полным*. Такое мышление утвердится на основе аналогий не фабрично-

---

¹ Маркс К. Процесс капиталистического производства, взятый в целом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч.2. М., 1962. С.387.

² Там же С.386-387.

заводского, а *культурного* производства поколений. Доминирование самодеятельности, духовно-нравственной направленности в образе жизни «запишет» в сознании субъектов целостные и гибкие аналогии, позволяющие увидеть в природе, в ее самодвижных структурах новые грани – разумную *целосообразность*, согласованность частей с целым, эстетически оформленные меры. Качественно изменится сама оптика воззрения на природу: спонтанное бессознательное саморазвертывание ее сил уподобляет природу непосредственной искренности ребенка, в отношении которого взрослый человек побуждается быть *охранителем*; возродится в особой форме античное миропонимание в виде *могучего эстетического разумного космизма*.

Новый тип строения производства, общественных отношений и сознания приведет в соответствие универсальную сущность человека с его существованием, ранее ограниченным как орудийным фондом, так и ставшей узкой стоимостной формой.

Современная техногенная цивилизация медленно преобразуется уже ныне в *антропогенное* общество, когда люди будут производить свою субъективность во всей культурной полноте, производя *заодно* холст, лен и общественные отношения. Субъектность, субъектные качества личности станут императивом так же, как ныне, прежде чем кем-то быть, надо вначале быть гражданином того или иного государства. *Престижность* закрепится за *субъектными* качествами человека, который, обогащая себя культурно, обогащает тем самым и других.

Три типа строения социальности К. Маркс выделил на основании различных *форм общения*: «отношения личной зависимости» (добуржуазные формы общества); «личная независимость, основанная на вещной зависимости» (буржуазная социальность), при которой образуются «система всеобщего обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций»; «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их

общественное достояние» – такова третья ступень. «Вторая ступень создает условия для третьей»¹.

Субъектность становится важнейшей характеристикой личности именно потому, что ранее выработанные продуктивно-творческие и производительные силы людей уже развились настолько, что частная *монополия* на их присвоение стала очевидным *тормозом* общественного развития. И новые поколения справедливо восстают против монополии на образование и культуру. Наступает с необходимостью период превращения коллективно развитых продуктивно-творческих сил в индивидуальное достояние каждого, в целом – в общественное достояние. И такая тенденция будет усиливаться. Подобие народного социализма намечается в Венесуэле, Боливии, левее Чили, Перу, Никарагуа. Пример Китая, Вьетнама, Кубы, Беларуси не померк.

Как опредмеченный труд произведен от труда *живого*, так и вещный капитал произведен от человеческого капитала. Необходимо подчинить вещный капитал *человеческому капиталу*. Самовозрастание капитала в его вещной форме следует подчинить *самовозрастанию культурного и профессионального потенциала народа*. Необходимы инвестиции, в первую очередь, в человека, в *креативно-антропогенную сферу* – в образование, культуру, социальную инфраструктуру. Первичным станет культурное воспроизводство поколений, а производство средств жизни станет производным от целостного воспроизводства индивидов.

Изложенное выше позволяет сделать следующий вывод. Решение вопроса о креативной личности как субъекта инновационных процессов является лишь одним из аспектов более сложной проблемы – превращения техногенного *экономикоцентричного общества* в *антропогенное общество* *самодетельности* с иными целевыми ориентирами в области производства, общественных отношений и сознания. В современной обновляющейся России есть все возможности начать новый цикл истории – *креативного, антропогенного, национально многокolorитного общества культурной самодетельности*.

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годы. Т.46. Ч.1. С.100-101.